ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

Литературный альманах

2017 год

В этом году исполнилось 100 лет Великой русской революции. Событие значимое как для российской, так и для мировой истории XX века. Революция бурей пронеслась по всей планете, не только изменив политическую карту мира, но и разбудив новые творческие силы.

Поэтому мы и решили наш очередной сборник назвать «Ветер перемен». Пусть этот «Ветер» развеет дремоту и добавит свежести в неповторимое дыхание вашего творчества.

Активисты и инициаторы литературно-музыкальных фестов в нашем городе уже снискали интерес и уважение публики. Творческая жизнь города расцветилась новыми именами и дарованиями. Группа «Арагорн» и её лидер Александр Лазарев, литературные страницы в интернете Лены Ли, Анастасии Караченцевой, Алёны Матвеевой…

Пробуждение молодых сил – это серьёзная заявка на рождение настоящего нового потенциала нашего города. И уже не только общепризнанные творческие союзы, но и многочисленные альтернативные призывают молодёжь к творчеству.

В этом сборнике представлены разные жанры: от публицистики до акростиха. Расширилась и география : это не только балаковские авторы, но и из Саратова, Санкт-Петербурга, Казахстана. Возраст участников – от 18-ти до 88-ми. Ветер перемен всё-таки…

Иллюстрация на первой странице Владимира Любарова

Редакторы: члены Российского союза писателей Алла и Юрий Каргины
Корректор : Юрий Каргин
Авторские права защищены.

Начинаем мы наш сборник с творчества незаслуженно забытых балаковских поэтов, которые не выпускали сборников и довольствовались публикациями в газете. Особенный, романтико-героический оттенок их поэзия приобрела в годы великих свершений времён СССР, когда на территории Балакова было 5 Всесоюзных комсомольских ударных строек.

ГРИНЯ ФИЛАНОВСКИЙ

Подарок Сталину

Сталин мой любимый,
Сталин мой родной,
Шлю тебе подарок,
Вождь наш дорогой.

Яблоко выращивал
Я у нас в саду,
Яблоко то выберу
И тебе пошлю.

Яблоко то красное,
Спелое, прекрасное,
Сочное, румяное,
Как заря, багряное.

Я цветок выращивал, -
Вырос он большой,
Я тебе пошлю его
Сталин дорогой.

Он растет такой приятный,
Нежный, пестрый, ароматный,
Он с оранжевой каймой.
Я тебе его пошлю,
Вождь наш дорогой.

И со всех сторон Союза
Все тебе подарки шлют
И за радостное детство
Отдают салют.
1938

АЛ. КОВАЛЬЧУК

Первомай

Знамёна реют в утренней прохладе
Над майским цветом уличной реки.
Моя страна – на боевом параде,
И за полками движутся полки.
Прошли пехоты стройные колонны,
Несутся танки лавой броневой,
И на знамёнах в майском небосклоне
Приказ начертан сталинской рукой.
Разгром врага стал целью нашей жизни,
Клянёмся всем, для каждого родным,
Клянёмся нашей матери – отчизне,
Что вражьи орды в битве победим!
Не жить на свете гадине кровавой!
В последний бой за наш привольный край
Идут полки, овеянные славой,
Привет тебе, великий Первомай!
1943

ФЁДОР ПОЛЕТКИН

Наш город

Естественно, что новый городок
Красив и горд архитектурой четкой:
Он должен быть таким, иным он быть не мог –
Он из мечты и солнца нами соткан.

Хоть планировка города все та ж,
Все те же улицы, что здесь и прежде были,
И ни один как будто бы этаж
Мы не исправили, не изменили.

Но от старинных каменных домов
Теплом сегодня веет и уютом,
И окна добродушные блестят,
Как будто улыбаются чему-то.

И будто вдруг, надумав погулять,
По солнечным газонам, палисадам,
Доверчиво прильнули тополя

К широким и приветливым фасадам.

Естественно, что новый городок
Красив и горд архитектурой нашей.
Но старый город, - кто бы думать мог! –
А ведь и он становится все краше.
1957

ОЛЬГА БОГАЧЁВА

Мой город

Который раз по улицам прямым
Иду, шаги я размеряя,
И каждый раз все кажется другим
Мне Балаково – гордость трудовая!
Где был пустырь, домов стоит строка,
А почерк … лучше, чем в тетради!
И день, и ночь рабочая рука
Кругом равняет, чистит, гладит.
Вот парк разбит, вот новый детский сад,
В нем дети скоро обживутся.
Их смех и гул машин, идущих в ряд,
Стозвонной песней раздаются.
А вечером, как только чуть заря
Скользнет тихонько с небосклона,
Как сотни солнц, зажгутся вдруг, горя,
Витрины светлого неона.
1962

П. ВЛАДИМИРОВ

Кранами поднявшие зарю

Добрый друг,
Припомнилась мне снова
Дата незабвенная моя.
Вот путевка…
Город Балаково –
Новая рабочая семья.
Вот они, девчонки и мальчишки,
Позабыв про дом свой и уют,
Жизнь познав пока еще
По книжкам,
Балаково строят и поют.

Что им жизнь,
Где все легко и торно.
Дай им жизнь на солнце,
На ветру.
Вот они
Идут в рабочей форме,
Кранами поднявшие зарю.
Стал наш шаг напористей
И четче,
Первых дней невзгоды позади.
Мы пришли на Волгу
Звездной ночью,
Чтоб те звезды были на груди.
Неплохая доля нам досталась.
Мы Каховки внуки и сыны.
Мы, в труде
Познавшие усталость,
Для больших полетов рождены.
Что нам жизнь,
Где все легко и торно!?
Дай нам жизнь сквозную,
На ветру.
Это мы
Идем в рабочей форме,
Кранами поднявшие
Зарю!
1964

М. АНТИПЕНКО

Кузнечик

Я приехал сюда, в Балаково,
Закалять свое юное тело.
Здесь узнал я железное слово
И под стать ему крепкое дело,
Чтобы людям смотреть в очи гордо,
К тихим будням, поверьте, не лез я, -
А явился к гудящему горну,
Разговаривать начал с железом.
Мой учитель – кузнец тот бывалый
(Не какой-то там жалкий пропойца),
Сам вкусивший хлеб жизни немалой,
Учит азбуке молотобойца.
Иногда он бывает и строгим,

А порою – и очень сердитым:
Он ходил по далеким дорогам,
Где когда-то гремели зенитки.
Хочет он, чтобы сердцем-гранатой
Разбудил я вдоль Волги массивы,
Чтобы встретили улиц громады
Меня радостным словом «Спасибо!».
Мы куем с ним железо не войнам.
Мы, солдаты, но только без мести.
И сильнее становимся вдвое
Оттого, что сегодня мы - вместе!
Пусть пока что я только кузнечик.
Верю, ждать мне придется недолго:
Скоро будут нести мои плечи
Небосвод, что склонился над Волгой…
1965

ЛАРИСА СОКОЛОВА-ПАВЛОВА

Песня о Балакове

Багряное солнце сияет,
И алая зорька плывет.
И, в зелени весь утопая,
Степной Балаково цветет.

Припев. На радость цвети, Балаково,
Мужай в своей красоте.
Седьмая жемчужина Волги,
Ты в ленинской светлой мечте.

Как вечер над Волгой родною,
Ты будто со мной говоришь,
Сияешь огнями ГЭСстроя
И людям улыбки даришь.

Как милая юность, мне дорог
И связан с моею судьбой.
Ты в сердце прописан, мой город,
Пусть солнце всегда над тобой.
1968

Юрий Каргин

https://www.proza.ru/avtor/jykar

http://www.stihi.ru/avtor/kargin1

Род. 7 декабря 1963 г. в г. Ульяновск. после окончания в 1985 г. филологического факультета Саратовского госуниверситета и работал в Балакове учителем русского языка и литературы в сш №17 (теперь гимназия №1). С 1991 г. – внештатный корреспондент, с весны 1993 г. – корреспондент газ. «Балаковский вестник». В 1994 г. несколько месяцев работал старшим инспектором по связям с общественностью и СМИ в Балаковском УВД. Ноябрь 1994-январь 1997 гг. – собственный корреспондент областной молодёжной газеты «Заря молодёжи». С декабря 1995 г. – корреспондент, с февраля 1997 г. по декабрь 2007 г. – редактор службы информации балаковской телекомпании «ТВ Экспресс». Сотрудничал с газетами «Версия», «Аргументы и факты в Саратове», «Саратовский Арбат».

Автор краеведческого приложения к газете «Круг» «Былое», краеведческих телепроектов «Отечество» и «Хронограф», документальной эпопеи (60 фильмов) «Дорогами войны», созданной на основе воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны и отмеченной дипломом Международного проекта «Живые голоса истории».

Неоднократный лауреат областных и российских журналистских конкурсов, двукратный победитель конкурса на лучшее освещение работы Саратовской областной Думы (2005, 2006 гг.), первый обладатель областной премии им. саратовского журналиста Александра Никитина (2006 г.) – за документальную видеоэпопею «Дорогами войны». Составитель и издатель «Балаковской народной энциклопедии», за что удостоен Национальной премии «Лучшие книги и издательства года – 2008», участник краеведческих чтений российского и международного уровня.

Член правления Саратовского регионального отделения и председатель балаковской первичной ячейки Союза журналистов РФ, председатель Балаковского отделения Союза краеведов РФ, член Российского Союза писателей.

РЕФОРМАТОР

В этом году исполнилось 155 лет со дня рождения видного государственного деятеля Петра Аркадьевича Столыпина. Он родился 2 апреля по старому стилю – 14 апреля по новому 1862 года в Дрездене, куда ездила к родным его мать. Спустя полтора месяца — 24 мая — был крещён в дрезденской православной церкви.

Не буду здесь рассказывать всю его биографию. Напомню лишь, что с 1903 по апрель 1906-го он – саратовский губернатор, с апреля 1906-го – министр внутренних дел, а с июля того же года ещё и председатель Совета министров, т.е. премьер-министр. На последнем поприще он и проявил себя как масштабный политик и великий реформатор. Во всяком случае, именно так считается сегодня.

А всего каких-то 30 лет назад Столыпин ассоциировался только со «столыпинским галстуком» и «столыпинскими вагонами».

Первое выражение впервые прозвучало из уст кадета Фёдора Родичева на заседании 2-й Государственной думы 17 ноября 1907 года. Таким образом депутат отреагировал на обещание Столыпина бороться с революционным движением всеми возможными способами.

Один он уже активно использовал – военно-полевые суды. Они были введены в 82 губерниях из 87 как чрезвычайная мера в борьбе с террористическими актами, число которых стремительно росло. Непосредственным поводом для этого послужил взрыв дачи Столыпина на Аптекарском острове 12 августа 1906 года. Тогда погибло 27 человек и было ранено 32, в том числе сын и дочь премьера.

Военно-полевой суд состоял из председателя и 4-х членов суда, назначаемых из строевых офицеров начальником местного гарнизона по приказу генерал-губернатора или главнокомандующего. Предварительное следствие не проводилось – вместо него использовались материалы охранного отделения или жандармского управления. Обвинительный акт заменялся приказом о предании суду. Судебное заседание проводилось без участия прокурора, защитника или свидетелей защиты при закрытых дверях. Приговор должен был выноситься не позже, чем через 48 часов, и в течение 24 часов приводиться в исполнение: военнослужащим полагался расстрел, гражданским – виселица (отсюда и «галстук»). Осуждённые имели право подавать прошение о помиловании, однако 7 декабря 1906 года военное министерство отдало распоряжение «оставлять эти просьбы без движения». За восемь месяцев своего существования (до 20 апреля 1907 года) военно-полевые суды вынесли 1102 смертных приговора, однако реально казнено было 683 человека.

Кстати, в наказание за «непарламентское выражение» Родичев был исключён Думой на 15 заседаний, а Столыпин даже вызвал его на дуэль. Она не состоялась — депутат извинился перед премьером, но «столыпинский галстук» прочно вошёл в ряд крылатых выражений того времени.

Против жёстких столыпинских мер высказывался Лев Толстой в статье «Не могу молчать!», которая вышла незадолго до смерти великого писателя:

«Ужаснее же всего в этом то, что все эти бесчеловечные насилия и убийства, кроме того прямого зла, которое они причиняют жертвам насилий и их семьям, причиняют ещё большее, величайшее зло всему народу, разнося быстро распространяющееся, как пожар по сухой соломе, развращение всех сословий русского народа. Распространяется же это развращение особенно быстро среди простого, рабочего народа потому, что все эти преступления, превышающие в сотни раз всё то, что делалось и делается простыми ворами и разбойниками и всеми революционерами вместе, совершаются под видом чего-то нужного, хорошего, необходимого, не только оправдываемого, но поддерживаемого разными, нераздельными в понятиях народа с справедливостью и даже святостью учреждениями: сенат, синод, дума, церковь, царь».

Его поддержали многие известные люди того времени, в частности, писатель Леонид Андреев, поэт Александр Блок, художник Илья Репин. Сочувственный отклик напечатал журнал «Вестник Европы».

Что касается «столыпинских вагонов», то они были изобретены для того, чтобы обеспечить массовый выезд крестьян из европейской части России в Сибирь на обживание новых земель, которые выделялись бесплатно. От обычных они отличались тем, что задняя их часть представляла собой помещение во всю ширину вагона, которая предназначалась для крестьянского инвентаря и скота. Зловещую славу «столыпинские вагоны» получили позднее, уже после смерти самого Столыпина, когда в них стали доставлять людей в лагеря.

Обвиняли реформатора (в том числе, современники) ещё и в том, что, по его предложению, царём Николаем II сначала были распущены одна за другой 1-я и 2-я Государственные Думы, а затем, чтобы покончить с противостоянием между законодательной и исполнительной властью, был сочинён новый избирательный закон, который, по мнению не менее известного государственного деятеля Сергея Витте, «исключил из Думы народный голос, т.е. голос масс и их представителей, а дал только голос сильным и послушным: дворянству, чиновничеству и частью послушному купечеству и промышленникам». Не случайно в истории вся эта столыпинская «инициатива» получило определение «третьеиюньский ПЕРЕВОРОТ» (3 июня 1907 года была распущена 2-я Дума).

Согласно новому выборному законодательству, сельское население Европейской России выбирало 1 депутата на 2 млн человек, рабочие - 1 депутата на 830 тыс., а землевладельцы и городские собственники - 1 депутата на 16 тыс. человек. Как говорится, почувствуйте разницу.

О характере проведении выборов свидетельствовал кадет, будущий министр иностранных дел Временного правительства 1917 года Павел Милюков: «Все сколько-нибудь подозрительные по политике лица

бесцеремонно устранялись от участия в выборах. Целые категории лишались избирательных прав или возможности фактически участвовать в выборах. При выборах присутствовали земские начальники. Нежелательные выборы отменялись. Предвыборные собрания не допускались, и сами названия нежелательных партий запрещалось произносить, писать и печатать. Съезды избирателей делились по любым группам для составления искусственного большинства. Весь первый период выбора уполномоченных первой стадии прошёл втемную. Мелкие землевладельцы почти поголовно отсутствовали; зато по наряду от духовного начальства были мобилизованы священники, которые и явились господами положения. В 49 губерниях на 8764 уполномоченных было 7142 священника, и лишь для избежания скандала было запрещено послать в Думу более 150 духовных лиц; зато они должны были голосовать повсюду за правительственных кандидатов».

С другой стороны, Столыпин спас Думу как форму хоть какой-то демократии, хоть в чём-то ограничивающий абсолютную монархию. Правые считали это уступкой «черни» и требовали его отставки. Таким образом, Столыпин оказался между двух огней: левые ненавидели его за то, что он подавил революцию, правые – за то, что сохранил зачатки конституционности, которые были выстраданы народом во время первой русской революции.

Сегодня делается акцент только на том, что Столыпин отстаивал сильное государство. Со всех трибун произносятся некогда сказанные им слова:

«Им (революционерам – ред.) нужны великие потрясения - нам нужна Великая Россия!» или «Дайте государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России».

Приведу ещё несколько цитат, которые так или иначе созвучны с этими – самыми известными:

«Только то правительство имеет право на существование, которое обладает зрелой государственной мыслью и твёрдой государственной волей».

«Власть – это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка, поэтому, осуждая всемерно произвол и самовластие, нельзя не считать опасным безвластие. Бездействие власти ведёт к анархии; правительство не может быть аппаратом бессилия».

«Покуда государство будет находиться в опасности, оно обязано будет принимать самые строгие, самые исключительные законы для того, чтобы оградить себя от распада. Это всегда было, это всегда есть и всегда будет. Государственная необходимость может довести до диктатуры. Она становится выше права, когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества».

Но сегодняшняя власть обходит стороной другие слова реформатора. Сегодня они не менее актуальны, чем заявления об упрочении власти. Вот они:

«Крестьянин должен сделаться личным собственником. Как мелкий земельный владелец он явится составным элементом будущей мелкой земской единицы. Основываясь на трудолюбии и обладая чувством собственного достоинства, он внесёт в деревню и культуру, и просвещение, и достаток. Вот тогда, тогда только писаная свобода превратится и претворится в свободу настоящую, которая, конечно, слагается из гражданских вольностей, из чувства государственности и патриотизма».

«Реформа рабочего законодательства должна быть проведена в двоякого рода направлении: в сторону оказания рабочим положительной помощи и в направлении ограничения административного вмешательства в отношения промышленников и рабочих, при предоставлении как тем, так и другим необходимой свободы действий через посредство профессиональных организаций и путём ненаказуемости экономических стачек.

Главнейшей задачей в области оказания рабочим положительной помощи является государственное попечение о неспособных к труду рабочих, осуществляемое путём страхования их, в случаях болезни, увечий, инвалидности и старости. В связи с этим намечена организация врачебной помощи рабочим».

«Сознавая необходимость приложения величайших усилий для поднятия экономического благосостояния населения, правительство ясно отдаёт себе отчёт, что усилия эти будут бесплодны, пока просвещение народных масс не будет поставлено на должную высоту и не будут устранены те явления, которыми постоянно нарушается правильное течение школьной жизни в последние годы, явления, свидетельствующие о том, что без коренной реформы наши учебные заведения могут дойти до состояния полного разложения. Школьная реформа на всех ступенях образования строится министерством народного просвещения на началах непрерывной связи низшей, средней и высшей школы, но с законченным кругом знаний на каждой из школьных ступеней.

Особые заботы министерства народного просвещения будут направлены к подготовке преподавателей для всех ступеней школы и к улучшению их материального положения. В области средней школы министерство будет озабочено созданием разнообразных типов учебных заведений, с широким развитием профессиональных знаний, но с обязательным для всех типов минимумом общего образования, требуемого государством. В реформе высшей школы министерство ставит себе задачей укрепление… и согласование их с интересами общегосударственными».

«Руководящею мыслью министерства финансов было достижение возможной равномерности обложения и возможное освобождение широких масс неимущего населения от дополнительного налогового бремени. Проекты же обложения некоторых предметов, доступных лицам

достаточным, вызваны стремлением министерства избежать отягощения малоимущих слоёв населения».

«Нельзя укрепить больное тело, питая его вырезанными из него самого кусками мяса; надо дать толчок организму, создать прилив питательных соков к больному месту, и тогда организм осилит болезнь; в этом должно, несомненно, участвовать всё государство, все части государства должны прийти на помощь той его части, которая в настоящее время является слабейшей. В этом смысл государственности, в этом оправдание государства, как одного социального целого. Мысль о том, что все государственные силы должны прийти на помощь слабейшей его части, может напоминать принципы социализма; но если это принцип социализма, то социализма государственного, который применялся не раз в Западной Европе и приносил реальные и существенные результаты».

«Правительству необходимо иметь в своём распоряжении в качестве орудия власти должностных лиц, связанных чувством долга и государственной ответственности. Поэтому проведение ими личных политических взглядов и впредь будет считаться несовместимым с государственной службой.

Правительство, сильное правительство должно на местах иметь исполнителей испытанных, которые являются его руками, его ушами, его глазами. И никогда ни одно правительство не совершит ни одной работы, не только репрессивной, но и созидательной, если не будет иметь в своих руках совершенный аппарат исполнительной власти».

«При наличии Государственной думы, задачи правительства в деле укрепления порядка могут только облегчиться, так как помимо средств на преобразование администрации и полиции правительство рассчитывает получить ценную поддержку представительных учреждений, путём обличения незакономерных поступков властей как относительно превышения власти, так и бездействия оной».

С одной стороны, Столыпин ратовал за укрепление низов («В них вся сила страны. Их более 100 миллионов! Будут здоровы и крепки корни у государства, поверьте – и слова русского правительства совсем иначе зазвучат перед Европой и перед целым миром...»), с другой, – отстаивал, прежде всего, интересы самодержца Николая II («Русским человеком может быть только тот, кто… предан не на жизнь, а на смерть Царю, олицетворяющему Россию»).

Он не понимал, что эти две задачи несовместимы. Очень точную оценку столыпинским реформам дал главный идеолог пролетарской революции Владимир Ленин: «Столыпин пытался влить в старые мехи новое вино, старое самодержавие переделать в буржуазную монархию, и крах столыпинской политики есть крах царизма на этом последнем, последнем мыслимом для царизма пути».

В этом-то и была трагедия Столыпина. Он слишком идеализировал высшее общество, надеясь, что образованность и интеллигентность его представителей позволят ему воплотить свои мечты о светлом будущем

России. Однако правые, несмотря на его верность монархическим принципам, считали Столыпина «опасным революционером».

Они даже обвиняли его в узурпации прав Верховной власти, опасались, что «вместо Самодержавного Государя Императора будет самодержавный министр». Князь Андронников восклицал: «Государь ещё царствует или отрёкся от престола и своим заместителем сделал Столыпина?». Романовы действительно долго отказывались от избрания первого министра, поскольку, по их мнению, это «ведёт к умалению значения власти императора». Всего год спустя после назначения нового премьера Николай II заявлял, что: «Столыпин узурпировал власть монарха, проводя в министры своих избранников». Председатель III Государственной Думы, будущий военный министр Временного правительства Гучков подтверждал: Столыпин был настолько крупной фигурой, что невольно «заслонял» Николая.

За несколько месяцев до своей гибели, в марте 1911 года, когда Госдума и Госсовет «прокатили» его очередной «прогрессивный» законопроект – о земстве в западных губерниях, Столыпин поставил Николаю II ультиматум: или я, или они. Понятно, царю ближе были «они», и самодержец уже склонялся к тому, чтобы принять отставку реформатора, но за последнего вступилась мать Николая, вдовствующая императрица Мария Фёдоровна. В воспоминаниях тогдашнего министра финансов Владимира Коковцова приводятся её слова, свидетельствующие о глубокой благодарности императрицы Столыпину:

«Бедный мой сын, как мало у него удачи в людях. Нашёлся человек, которого никто не знал здесь, но который оказался и умным, и энергичным и сумел ввести порядок после того ужаса, который мы пережили всего 6 лет тому назад, и вот — этого человека толкают в пропасть. И кто же? Те, которые говорят, что они любят Государя и Россию, а на самом деле губят и его, и родину. Это просто ужасно!»

А «бедный» царь к тому времени уже охладел к Столыпину.

Первая трещина в отношениях между ними появилась вскоре после первой русской революции. В 1909 году премьер вернулся из Полтавы, где шла подготовка к торжествам по случаю 200-летия Полтавской битвы, и сообщил Николаю, что он может ехать туда совершенно спокойно – революция подавлена. На это царь ответил: «Я не понимаю, о какой революции вы говорите. У нас, правда, были беспорядки, но это не революция... Да и беспорядки, я думаю, были бы невозможны, если бы у власти стояли люди более энергичные и смелые...»

Это непонимание политической ситуации внутри страны и привело, в конце концов, к революционному взрыву в России в 1917 году. Достаточно вспомнить «старца» Григория Распутина, который стал чуть ли не членом царской семьи и имел огромное влияние на многие решения Николая II.

Столыпин считал, что «отец Григорий» подрывал авторитет царской власти. Он не мог спокойно наблюдать за его вмешательством в

политику. Однажды премьер просидел в приёмной царя с докладом более получаса только потому, что самодержец находился у жены, у которой в спальне сидел Распутин.

Столыпин неоднократно заводил разговор с Николаем II о недопустимости нахождения в ближайшем окружении императора полуграмотного мужика с весьма сомнительной репутацией. На это Николай ответил дословно: «Я с вами согласен, Пётр Аркадьевич, но пусть будет лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы».

В октябре 1910 года Столыпин приказал департаменту полиции установить за Распутиным наружное наблюдение. Однако через несколько дней оно, по личному указу царя, было снято.

В начале 1911 года настойчивый премьер представил монарху обширный доклад о Распутине, составленный на основании следственных материалов Синода. После этого Николай II предложил главе правительства встретиться со «старцем», чтобы развеять негативное впечатление, сделанное на основании собранных документов. При встрече Распутин пытался гипнотизировать своего собеседника:

«Он бегал по мне своими белесоватыми глазами, — рассказывал сам Столыпин своим единомышленникам, — произносил какие-то загадочные и бесполезные изречения из Священного Писания, как-то необычно водил руками, и я чувствовал, что во мне пробуждается непреодолимое отвращение к этой гадине, сидящей напротив меня. Но я понимал, что в этом человеке большая сила гипноза и что она производит какое-то довольно сильное, правда, отталкивающее, но всё же моральное влияние. Преодолев себя, я прикрикнул на него и, сказав ему прямо, что на основании документальных данных он у меня в руках и я могу его раздавить в пух и прах, предав суду по всей строгости законов о сектантах, ввиду чего резко приказал ему немедленно, безотлагательно и, при том добровольно, покинуть Петербург и вернуться в своё село и больше не появляться».

После этого разговора Распутин отправился паломником в Иерусалим и вновь появился в Петербурге лишь после смерти Столыпина.

И это резкое неприятие «гадины» реформатором тоже не могло не сказаться на отношениях между премьером и царём.

Как известно, Столыпин был убит 1 сентября 1911 года в киевском городском театре в перерыве между вторым и третьим актами оперы Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» 24-летним евреем-анархистом Дмитрием Богровым, которого на самом деле звали Мордко Гершкович Богров.

Он был агентом царской охранки и числился в её документах как «Аленский». Когда однопартийцы его рассекретили, они поставили ультиматум: либо мы делаем твоё предательство достоянием гласности, либо ты совершаешь террористический акт.

«Можете ли Вы себе представить моё безвыходное положение? Можете ли Вы себе представить беседу двух лиц, из коих один выслушивает, а другой диктует условия, из коих один агент-провокатор, а другой революционер, а, впрочем, может быть, тоже провокатор?» – обращался к стороне обвинения Богров во время судебного заседания в Киевском военно-окружном суде 9 сентября.

По словам Богрова, сначала он хотел убить подполковника отдельного корпуса жандармов в Киеве Николая Кулябко, который был его «куратором», затем царя и, наконец, Столыпина. Благо в Киеве проводились торжества по случаю открытия здесь памятника императору Александру II, и вся царская свита приехала в столицу Малороссии.

Не буду здесь рассказывать всю историю подготовки к покушению на Столыпина и самого покушения: об этом много написано. Приведу только ещё один отрывок из выступления Богрова всё на том же суде:

«Шёл я в театр без определенного плана и возможно, что из театра я также ушёл бы ни с чем, но слова Кулябки “уходите и больше не оставайтесь в театре” поставили предо мной вопрос – неужели опять ни с чем? И я решился. Остановил свой выбор на Столыпине. Так как он был центром общего внимания. Когда я шёл в проходе, то если кто-нибудь догадался бы спросить меня ”что вам угодно?”, я бы ушёл. Но никто меня не удерживал, и я выстрелил 2 раза. Что я делал, я не сознавал».

Цепь каких-то неотвратимых «случайностей», которые привели к убийству реформатора, и сегодня наводит на мысль, не намеренно ли они так складывались «верхами», которым неугоден был Столыпин. Не случайно расследование его убийства было столь тщательным. Оно продолжалось после казни террориста (его повесили в ночь с 11 на 12 сентября 1911 года в Лысогорском форте Киевской тюрьмы), вплоть до декабря 1912 года, а потом было возобновлено чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства в 1917 года.

Между тем, из Столыпина сделали героя. Из уст в уста передавались его слова, сказанные сразу после покушения, «счастлив умереть за царя». На заседании Государственного Совета 15 октября 1911 года его председатель Михаил Акимов сказал: «В лице злодейски убитого Петра Аркадьевича Столыпина угас великий русский гражданин, угас крупный русский государственный ум, покинул нас твёрдый и опытный государственный зодчий». Невольно вспоминаются слова поэта Роберта Рождественского, посвящённые известному писателю Василию Шукшину: «А где ж вы раньше были, когда он был живым?»

В 1912 году был установлен памятник Столыпину в Киеве, в 1913-м – в Симбирске. Оба снесены в марте 1917 года, во время Февральской, буржуазной революции (а не во время Октябрьской, большевистской, как ошибочно полагают некоторые). В 1913-м при Саратовской учёной архивной комиссии открылся первый и единственный в России музей Столыпина, который был закрыт в 1918 году, а его экспонаты переданы в фонд областного краеведческого музея.

Впрочем, не у всех смерть премьер-министра вызвала добрые чувства. Спустя несколько дней после его гибели Нью-Йоркская газета «Правда» писала:

«У Столыпина не было партии, которой бы он служил, у него не было идеи, не было принципа, за которые бы он боролся; у него не было веры, у него не было Бога... Политическая программа премьера Столыпина, его вера и его деятельность имели только одну цель, одну задачу. Советник Николая не может быть министром, он должен быть лакеем; доверенное лицо русского деспота не может быть канцлером, оно должно быть палачом».

Неоднозначное отношение к Столыпину сохраняется и сегодня. Но официальная Россия признаёт его как великого реформатора. В 2002 году первый «новый» памятник Столыпину был установлен в Саратове на площади перед областной Думой (при губернаторе Аяцкове), в 2005-м – в алтайском городке Славгород, в 2013 году, по инициативе Владимира Путина (в то время он был премьер-министром), – у здания правительства России в Москве.

Появились и премии, и медаль имени Столыпина. По Указу Президента России Дмитрия Медведева в 2010 году был создан оргкомитет по празднованию 150-летия со дня рождения реформатора, и этот юбилей был широко отмечался по всей России, а Банк России выпустил памятную серебряную монету номиналом 2 рубля серии «Выдающиеся личности России».

Тогда же, во время съёмок документального фильма о Столыпине в Саратове председатель Союза кинематографистов кинорежиссёр Никита Михалков заявил:

«Мне кажется, что если есть у нас тот лидер, который мог бы в какой-то степени походить на Столыпина, – это Путин. Только мне очень хотелось бы, чтобы он не остался в одиночестве, как остался в одиночестве Столыпин. Путину нужны те “столыпинцы”, которые будут понимать, что нужно делать и, самое главное, отвечать за то, что сделано. Хочу на это надеяться. Если этого не будет, то этот “кредит”, боюсь, последний.

Путину нужно трезво оценить, чем же недовольны хорошие, настоящие, патриотичные, желающие и могущие жить в большой богатой стране люди. Это же не просто так, это не крикуны. Я совершенно убеждён, что великие потрясения нужны тем, кому есть куда уехать, а великая Россия нужна тем, кто хочет здесь жить. Среди тех, кто приходил на Болотную и Сахарова, есть люди, которые хотят здесь жить, но они хотят, чтобы им ответили на эти вопросы. Это одна из самых главных проблем, которая стоит перед властью, в частности, перед Путиным».

Как известно, на некоторые, «неудобные», вопросы ответ до сих пор не дан…

САНЯ ЕФРЕМОВА

https://www.proza.ru/avtor/multapaucis

По образованию я филолог, но писателем себя не считаю. Homo sapiens, который пытается осмыслить то, что происходит внутри него, с ним и в мире вокруг. Пришла на сайт http://www.proza.ru в надежде на встречу с мыслящими людьми.Первым опубликованным здесь произведением стала повесть-воспоминание о днях, проведённых в больнице с дочерью. Она посвящена детям, больным лейкозом, и их родителямhttp://www.proza.ru/2011/12/15/1725

На сайте много читаю, но рецензии пишу редко, только если по-настоящему зацепит. Всегда буду рада диалогу. Здесь также трудно обрести друзей, как и в жизни... В 2015 году меня номинировали на национальную литературную премию "Писатель 2015 года" (стала финалистом в номинации "Детская литература" со сказкой "Как белая планета стала пёстрой") и приняли в Российский союз писателей, но писателем я по-прежнему себя не считаю, в наше образованное и цивилизованное время так много пишущих (излагающих свои мысли в слове) людей...

В мае 2016 года вышел мой первый чисто литературный сборник стихов и прозы "Интроверсии" (до него публиковала произведения в своих учебных и методических пособиях). В 2016/17 учебном году меня позвали работать в родную школу, которую я закончила в 1989 году. В Бескольской средней школе-гимназии я веду кружок литературного творчества у девятиклассников и кружок журналистики у пятиклассников. Много времени теперь уходит на подготовку к занятиям, редактирование детских работ. С журналистами мы выпускаем учебную газету "Прожектор" раз в месяц, где помещаем свои опыты в изученных жанрах, а с юными писателями пишем стихи и прозу, планируя издать в конце учебного года сборник работ кружковцев. И с теми, и с другими участвовали в этом году во многих конкурсах. Жизнь кипит! Времени писать своё нет совершенно! Но я счастлива, потому что так хочется быть полезной подрастающему поколению! Вспоминаю свою юность, проведённую в тоске по наставнику, и радуюсь за своих учеников, кому-то из которых я подарила это самое долгожданное творческое общение.

ОЦИФРОВАННОСТЬ

Акропроза

Облачность над столицей была не к празднику.
Цвета свинцовой безжизненности, с прорывами частых слёз.
Исподволь ёжась под моросью, высаживали бардовый табак
Франты-рабочие в оранжевых жилетах.
Рядом на площади влекли к палаткам яркий товар
Ожидающие прибыли торговцы детской радостью.
В объективе вся площадь от древа желаний в лентах до сцены.
Астана в утро своего дня рождения как столицы
Не ностальгировала по целинному и революционному прошлому.
Новая «звёздная» ипостась перекрывала блёклые страницы.
Об этом кричала выставка-ярмарка тщеславия в храме музыки:
Слепило глаз искусство ювелиров в Конгресс-холле.
ТЬма-тьмущая самолюбования выскочки без почвы и традиций.

Нищенка? Женщина в цветастом платье с сумочкой дамы
Очень вежливо обращается: «У Вас не будет для меня
Вот хоть сколько-нибудь? Ничего нет? Понятно».
«**Ы**быр-жыбыр» с казахского – пустые хлопоты.
Йоты остались неизменными – изменился имидж бомжей.

Витиевато выражающиеся, одевающиеся не хуже, чем в секонд-хенде,
И ловко ускользающие от сетей ловцов-полицейских,
Дерзко размечтавшихся очистить столицу перед ЭКСПО.

В объективе городская скульптура – гипсовая, стальная, зелёная, каменная и иная.
Описываю круг по проспекту Республики и набережным Ишима-Есиля.
Стрела в натянутом луке у древнего воина-андроновца,
Правит колесницей со скачущей в опор парой коней его товарищ.
Раж битвы на их лицах, пронесённый через тысячелетия.
И рядом синий павлин с радужным хвостом и «тысячей глаз»,
Являющий собой фэн-шуйный талисман успеха новой столицы.
Трещины в асфальте, зияющий остов замороженной стройки –
И за поворотом широкой реки блистательный шар Байтерека.
Ябедничаю, как ребёнок: устали мы от разочарований.

Пройдя недоделанную изнанку праздника, -
Елозящих по мостовой с новой плиткой рабочих,
Рабочих, укладывающих квадраты зелёного дёрна, -
Ерничаю над своей неосведомлённостью провинциалки.
Хо-хо, вот и центральный парк. Лепота! Лебеди-попрошайки,
О благородстве забывшие, ждут подачки посетителей.
Долго смотрим с одним друг на друга, а потом он,
Изогнув оскорблённо шею, гордо уплывает в просветы мостов.
Толпы астанчан фланируют между аттракционами,

Восторгаются пёстрыми утицами с утятами,

Теребят палочки со сладкой ватой…
Екает моё сердце, когда ступаю на мост,

Ритмично колеблющийся под многочисленными шагами.
А жаждущие зрелищ массы наполняют прогулочные суда,
Бутафорию небоскрёбно-зеркальную демонстрирующие.
Апофеоз праздника – фонтан на реке, извергающий не только струи,
Йо-йоподобные, танцующие, но и огонь. Воистину чудо!
Так удобно с площадки у Кенесары-хана делать незабываемое селфи.
Ыбыр-жыбыр. Устав изрядно, покидаю нашу ярмарку тщеславия…

Поезд собирает гостей столицы и астанчан, пожелавших развеяться.
Астана, прощай! Скидываю усталость недолгим сном…
Мои ушки на макушке: веретено общения в плацкарте запущено.
«**Я** подробно изучил в интернете вопрос пищевых добавок, -
Так авторитетно вёл беседу с соседкой бывший волонтёр «где-то там». –
И самое страшное – это консерванты, поверьте».

О сгнивших в прах мертвецах пятидесятых и о покойниках шестидесятых,
Бросающих в дрожь своей законсервированной нетленностью,
Любезничал потеющий ламантин с голубыми глазами и полотенцем в руках.
А через купе молодая карьеристка в строительном менеджменте
К своему шефу в любви признавалась за то, что
Он оплачивал ей дистанционные курсы.

Вспоминая попутно о бесперспективной работе преподавателя,
Она призывала ломать стереотипы и не бояться перемен.
Службой золотому тельцу она заменила служение науке.
Поездки за границу, машина, квартира и заоблачная зарплата
Определяли её в ранг «нагло берущих от жизни всё»,
Мало того, позволяли смотреть на своего дорожного спутника свысока
И осуждать, как и плывущих по устаревшему руслу родных, только не вслух.
Нужно задирать нос осмотрительно, если не хочешь лишиться
Аудитории, как в дороге, так и на жизненном пути.
Но самым интересным объектом на выставке Эго
Изобразил себя один семидесятилетний пенсионер.
Йодид азота, взрывающийся от прикосновения, не более эффектен,

Чем человек, делающий жим на пальцах в вагоне поезда.
Елки-палки, что за фокусы, скажете вы.
Ликующей энергией жизни наполненный, молодой старик
Очаровывал своих слушателей постарше чтением стихов наизусть.
Восхищение его феноменальной памятью не умолкало.
Есенин и Блок, Пушкин и Тютчев, Маяковский и Некрасов –
Чувства лирических героев их строк не успевали излиться,
Едва лишь зазвучавшие и сменяемые другими.
С горечью любитель поэзии говорил о нечитающих детях,
Толком не знающих не только классики, но и многих элементарных вещей.
Вспоминал учительницу, не выдержавшую его экзамен на знание классиков.
А спутники удручённо грустили о провалах современного образования…

Откланялись собеседники. Минута затишья показалась старику нестерпимой.
Были бы уши, контакт установим. И вот уже проснувшийся студент
Расположился напротив. А тема и для него найдётся.
«**А** мне совсем не хочется крякнуть в семьдесят два года!» -

Заговаривает со студентом человек, всю жизнь крутивший баранку,

На пенсии ставший чемпионом в гиревом спорте.
А поначалу в секции его никто не воспринимал серьёзно.
Шалит старый, думали, время девать некуда.
Если бы не ежедневное упорство и быстрый рост,
Йодид азота был бы зрелищным фокусом, а не старик-силач.

Цепко держит внимание студента энергичный пенсионер,
И не верится, что ещё пару часов назад молодой человек
Выпускать из рук не хотел смартфон, с клейкой улыбкой
Играя с ним в «сороку-белобоку», читая сообщения,
Лайкая фото друзей, просматривая видео на ютубе.
И рядовая для обоих поездка вдруг превратила их
За час в наставника и неустанно внимающего ученика.
А за переборкой купе лжемужчина с женоподобным, манерным голосом
Цивилизованно морочил голову знакомым по телефону,
Изощряясь в путанности объяснений, где находится окно
И балкон его квартиры в Астане, которые, возможно, забыл закрыть…

Тикают часы, отсчитывая моменты, пересчитывая кадры,
Ранжируя воспоминания. То, что кажется важным сейчас,
Едва ли будет таковым через тысячу номеров вперёд.
Будущее туманно, утопая в возможностях, манит,
Устрашает, но течёт с неотвратимостью из «здесь и сейчас».
Едкий натр сомнений не должен помешать мне выбрать
Только то из цепи оцифрованных событий, что нужно для перемен.

Омоложение тела физическими нагрузками,
Битва за жизнь активную, духовную и полную общения
Не могли пройти мимо просеивающего мир сознания.
Обратим отсчёт вспять из нашего одряхлевшего «сегодня»,
Восторгающегося достижениями в области «ыбыр-жыбыр».
Любые показушность и демонстративность обречены на треск провала.
Еретики не те, кто говорят: «Не пичкайте нас обещаниями – делайте дело».
Не нужно клеймить людей за их жажду прогресса.
История полна ошибок, а мы – желанием их не повторять.
Ярящейся силе нужен рычаг приложения, и пусть это будет труд, а не революция.

P.S. Верю в искру сотворения, вечный двигатель развития, ветер перемен!

АЛЛА ТЯЖЕВА-КАРГИНА

http://www.proza.ru/avtor/skorpionalla
http://www.stihi.ru/avtor/skorpionalla

Филолог, преподаватель немецкого языка, переводчик, член Союза краеведов России, член Российского союза писателей, председатель Литературного Интернет-клуба (г. Балаково Саратовской области) http://vk.com/club45521322, соавтор сборников "Души учительской прекрасные порывы" (Саратов, 2009), "Времена года" (Москва, 2011), "Три желания" (Рязань, №33/2011, №40/2012), "Вся Россия" (Москва, 2012), альманаха современной прозы и поэзии "Звёздный дождь" (3-9 выпуски, Москва, 2012-2016), первое место в конкурсе «Вернисаж 17» Международного Фонда Великий Странник Молодым; http://proza.ru/2011/09/21/255, член жюри всероссийских литературных конкурсов на порталах Стихи.ру и Проза.ру, неоднократный номинант национальной литературной премии «Писатель года» и «Поэт года», публиковалась в литературном журнале "Чешская звезда" (Карловы Вары), в 2014 году, в газете "Советская Россия" (№62/2014). Литературные миниатюры можно услышать на радио "Вера" (http://radiovera.ru/) в исполнении Екатерины Васильевой, Николая Бурляева, Ирины Алферовой, Юты и Юлии Меньшовой.

МОЯ ПЕРЕСТРОЙКА

Рождённые в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России –
Забыть не в силах ничего.

Александр Блок

Глава 1. ЛИХИЕ ДЕВЯНОСТЫЕ

Лихие девяностые…Почему их назвали так романтично? Может, потому что на российском телевидении в новостной программе неслась гоголевская птица-тройка, лихо заворачивая на поворотах… А поворотов и впрямь было много. Всколыхнувшаяся совесть, ощущение невиданных

возможностей, желание реализовать себя. Наверное, всё это чувствовал Человек Ренессанса. Появилось ясное ощущение времени: всё менялось ежесекундно, пульс времени стучал в висках, разгоняя взбунтовавшуюся кровь по молодому телу. Мы делали историю! Делали, или это просто казалось нам? Почему-то не покидало ощущение того, что кто-то и впрямь управляет тобой, ведя твою жизнь по сработанному хитрому сценарию. Но мы отмахивались от этой мысли, как от назойливой мухи. Потому что очень хотелось чувствовать себя хозяевами своей судьбы. Это был тот ветер революции, о котором писал Блок, тот «ветер перемен», который принесли с собой «Скорпы».

Потеряв всякое доверие к столь почитаемому на Западе Горбачёву, всей душой мы потянулись к опальному, мужиковатому, но конкретному и сильному Ельцину. Дух сопротивления и нигилизма овладел нами. Молодая мать, оставив двух малышей на попечении прикованной к постели бабушки, мчалась на митинг, чтобы быть вместе с теми, кто дышит свободой, кто выступает за перемены… Подумать только: не пройдёт и четверти века , а в стране наступит депрессивное отрезвление, ощущение канувших в лету бесполезно растраченных сил… А тогда… тогда это была моя молодость. Моя. И другой у меня не было. Для каждого время бывает своим – таким, как о сам. Одно и то же время. Фильмы «Брат» и «Бригада» стали символами девяностых. Но мне они были чужды, потому что в моём окружении не было тех, кто хранил дома оружие, выезжал на «крутые разборки» и «сходняки», промышлял наркотой или сидел на героине. Мне повезло. Меня окружали интересные люди, не похожие на меня, но безумно интересные.

Глава 2. УНИВЕРСИТЕТ

Университет. Здесь я мечтала учиться и сюда поступила. Поступила легко. Мама сожалела, что, имея золотую медаль, я была бы зачислена сразу после сдачи основного экзамена. Но ни золотую, ни серебряную медаль я не получила, как выяснилось потом, из-за отсутствия достаточного количества медалей, выделяемых на район… Были и такие казусы в нашей жизни. Свой любимый немецкий я сдала сразу и на «отлично». При этом почти все «медалисты» сошли с дистанции, «завалив» иностранный. Я была уверена в своих силах. Но следующий экзамен заставил меня засомневаться в существовании справедливости. Экзаменатор, утомлённая жизнью женщина-филолог, без интереса слушала меня, то и дело отлучалась, отходя от стола и что-то напряжённо выясняя у своих коллег. Возвращаясь на своё место, она переспрашивала меня о том, что я только что говорила. Это не могло не возмутить меня, о чём я не преминула тут же сказать, чем вызвала ещё большее

недовольство. И поплатилась за «настырность», получив «четвёрку» Историки удивились, почему я не подала заявление на их факультет: то ли недобор у них был, то ли моя твёрдая идеологическая позиция их сразила, когда я чётко и уверенно рассказывала про 20-й съезд партии. А на вопрос «Кто такой Ромеш Чандра?», я сразу отпарировала: «В школе мы не изучали, а дополнительно я не читала!» Моя искренность и напористость вызвали взрыв смеха у учёных-экзаменаторов, и, поставив мне «отлично», они пожелали успехов в предстоящей студенческой жизни. Это был мой последний экзамен. Я зачислена в университет! Ценность классического университетского образования я поняла спустя годы. Университет познакомил с разными людьми: к одним все мы испытывали симпатию, других боготворили, третьих презирали. Юношеский максимализм, страсть к познанию мира! Академизм преподавания научил логике, риторике, настоящему русскому языку. Подводные течения и дрязги всегда, к сожалению, существуют в научном мире. То ли самоуверенность, самовлюблённость и эгоизм учёных тому виной, то ли элементарная закомплексованность, зависть и неуверенность в себе. Среди студентов ходили слухи о противостоянии стареющей завкафедрой иностранной литературы и молодого учёного-руководителя моей дипломной работы Галины Александровны Хотинской. Борьба дошла до того, что моим оппонентом на защите диплома стал друг Хотинской – кандидат философских наук. Работа выверялась до мелочей. Галина Александровна всё время ждала «подножек». Но защита прошла успешно!

Семинар Хотинской был самым демократичным: изучать современную литературу Западной Германии было равнозначно прослушиванию передач «вражеской» радиостанции «Свобода». А мэтры западной классики Кафка, Пруст, Джойс, с шедеврами которых мы познакомились именно здесь, казались нам запрещёнными, а потому притягательными. Мы знали и о существовании в преподавательской среде закрытого просмотра выдающихся зарубежных киноновинок, таких, как «100 лет одиночества» по Маркесу, к просмотру которых привлекались наиболее надёжные студенты,среди которых оказалась и я. Это была какая-то особая, уже взрослая жизнь, где ты сама расставляла приоритеты и отвечала за свой выбор.

Глава 3. ГОРЕЛОВ

«Занятия отменяются!» - проносится по обшарпанным коридорам седьмого университетского корпуса. «Всем собраться на общую лекцию!» Приехал профессор какой-то. Будет читать лекцию по

языкознанию. Илья Наумович Горелов…Он поселился с семьёй в третьем общежитии химиков на Братиславской, в убогой комнатушке. Типичный интеллигент середины 20-го века, снисходительно-вальяжный, с седеющими пропахшими крепким табаком усами, так похожий на популярного актёра Ефима Копеляна, с таким же вкрадчивым голосом. Это был тип учёного-мужчины - умного, уверенного в своей правоте, не в пример многим в филологии – тщедушным и жалким в неимоверных потугах казаться значительными и великими.

Ту первую его лекцию по языкознанию в стенах Саратовского университета я конспектировала, боясь пропустить каждое мало-мальски значимое слово. Он говорил так живо и ясно, что наука переставала казаться сухим и отвлечённым от жизни предметом. Рассказывая о новых экспериментах с приматами, проводя интересные языковые параллели, Горелов говорил так, что всё остальное становилось ненужным и посторонним.

Я безумно обрадовалась, попав в его спецсеминар, и с упорством занялась лингвистической темой сравнения прилагательных в немецком и русском языках. Обилие невыразимо-красочных сравнений Гейне в «Флорентийских ночах» увлекло меня, а потому выбор для исследования пал именно на это произведение. Но немецкого оригинала у меня не было. Илья Наумович вызвался помочь: Гейне оказался в его библиотеке, привезённой вместе с небольшим количеством вещей в Саратов. Гейне был и его любимым поэтом…

Зайти к мэтру в дом, хотя бы и за книгой, казалось тогда необычайной удачей. Несколько секунд: «здравствуйте», «я пришла за книгой», «спасибо», «до свиданья», - а до этого прожитые, проигранные, словно перед зеркалом, минуты и часы ожидаемой встречи. Соприкосновение с другим миром,проникновение в святая святых учёного, профессорского параллельного мира…

Вторая встреча с Гореловым произойдёт на всероссийской научной конференции, посвящённой российским немцам, где он выступит с докладом о диссиденте Льве Копелеве, с которым долго и хорошо был знаком. Я оставлю отзыв о самом запоминающемся и значимом выступлении с подписью «Ваша студентка».

…Он ушёл из жизни в нулевые. Незаметно. Хотя, может быть, здесь у себя в провинции я просто этого не могла узнать. Информация ещё не распространялась со скоростью Интернета.

Глава 4. БЕЗЗАБОТНАЯ ЖИЗНЬ

В жизни часто смещаются приоритеты: в юности они одни; взрослеет человек, – и многие убеждения уже кажутся ему заблуждениями. И

только в зрелости, за какой-то определённой чертой дана ему та самая мудрость, которая с нежностью смотрит на почти детскую фотографию, а потом сочувственно вздыхает, вспоминая твои неудачи и промахи, потери и разочарования…

Тогда всё было открытием. Пусть на грабли, зато сама! Батон с фруктовым маслом (аналог подслащенного маргарина), бесконечные чаепития с промытой неоднократным «завариванием» щепоткой второсортного грузинского чая и нескончаемые споры и разговоры,чтение стихов и песни под гитару.

«Красный уголок», где конспектировались нескончаемые труды вождей для семинаров по научному коммунизму, политэкономии, диалектическому материализму и истории партии…Этих занятий вкупе с физкультурой и медициной на военной кафедре было более, чем достаточно. А вместе с тем, только теперь понимаешь, что ясность мысли вырабатывалась под влиянием чтения, сравнения и обсуждения прочитанного.

Фрагментарность интернет-образования не способна дать системное образование без хорошего наставника. Возможности огромные, нет ориентиров. Идеология и классическая университетская программа вместе делали своё фантастическое дело.

Мы не завидовали тем, кому родители сняли квартиру или комнату в Саратове. Боевое жизненное крещение невозможно было получить в частных тепличных условиях.

Общага на Братиславской… Двери запирались только на ночь: и в комнату, и в общежитие. И двери эти не стояли на петлях, хлопали то и дело: «у кого конспект по языкознанию есть?», «хрестоматию по иностранной литературе не видели?», «сахар дайте, а то кончился»… Две четырёхконфорочные газовые плиты на 4 этажа, две умывальные комнаты с ледяной до дрожи водой и один туалет на два «очка», который вечно засорялся…

В комнате, куда я заселилась, стояло шесть кроватей, столько же тумбочек, шкаф (для одежды и продуктов одновременно), два стола и старый, страшно гремящий по ночам холодильник. «Красным уголком» называлась комната для занятий на первом этаже. Рядом-«телевизионка» с одним чёрно-белым рябящим телевизором, которая по субботам превращалась в танцплощадку. Отбою не было от студентов-юристов и «сельхозмеханизаторов». Они просто «западАли» на наших «филологинь».

По Кирова ещё ходили троллейбусы. И, забежав с самого утра в блинную, перехватив там горячих, только что со сковороды, блинов с мёдом, ошпарив язык раскалённым чаем из стоящего тут же на столе самовара, мы мчались на свои четыре пары в университет. ДосыпАли на лекции,

спрятавшись в задних рядах за спины однокурсников или опершись подбородком на подставленные ладони и придав выражение задумчивости своему не умеющему врать лицу.
Раз в неделю ходили в душ на Мичурина. Иногда «с шиком» мылись в гостинице «Европа» или «Московской».Фены уже были, но розеток в душе для них не существовало. Потому с осени до зимы голову мыть приходилось «отдельно»: вскипятив воду в общаге, согнувшись над лавкой с эмалированным тазиком.
Фильмы смотрели все подряд: и в «телевизионке», и в кинотеатрах. Самый душный кинотеатр был неподалёку, на Чапаева – «Красный Октябрь», прозванный в народе «курятником». Там посмотрели впервые фильмы Феллини.
Популярными в 80-е годы стали ретроспективные показы: народ валом валил на «Мистера Питкина». А в нагрузку получал советские «неходовые» фильмы, для ознакомления с отечественным кинематографом, так сказать.
Здесь же в Саратове влюбилась в фильмы Тарковского.Попасть в кино на стоящий фильм было почти невозможно: очереди занимались задолго, билеты быстро заканчивались, и все ждали «бронь», которую «выбрасывали» за считанные минуты до начала фильма. И тогда 2 потока – «правая» очередь и нахально сформировавшаяся альтернативная «левая» -сталкивались в непримиримой схватке… Побеждали опыт и сноровка!..

ГЛАВА 5. ИГРА В «ЛИДЕРА»

Ноябрь 82—го… Позади первый курс с его тревогами и удачами, новыми встречами и знакомствами. Взросление. Уверенность в завтрашнем дне. Тогда эта фраза, назойливо повторявшаяся идеологами, по меньшей мере удивляла: а разве может быть иначе?..
Над немощным «лидером» нашего времени смеялись, слагали анекдоты, но, услышав по радио о смерти Брежнева, все испытали странное чувство отрезвления:будто, мчась по кругу, заметили брешь в этом замкнутом пространстве и насторожились…Что там? Дальше…
Перемены почувствовали все, когда на пост Генсека вступил Юрий Андропов, человек с безукоризненной репутацией, хотя и бывший гебист. Страна желала твёрдой руки. Первые слухи о наведении порядка в рыхлой стране пробежали со скоростью электрического тока: в магазинах, парикмахерских, на улицах останавливают людей, улизнувших в рабочее время сослужбы, проверяют документы, принимают «соответствующие меры»… Говорили с удивлением и одновременным одобрением. Студенты радовались тому, что пустые и длинные речи

партийных лидеров конспектировать больше не приходилось: Андропов был немногословен, но деловит. Правда, вслед за его чёткими и внятными делами грянула неразбериха очередного ставленника Политбюро, смертельно больного Константина Черненко и болтология новоиспечённого бравого «перестройщика» Михаила Горбачёва. Система не хотела давать сбой и сдаваться. На смену одному дряхлому руководителю неизменно «по партийному списку», не уступая очерёдности, шёл следующий, дождавшийся своего «звёздного часа» старейшина…Телевидение не уставало объявлять траур и транслировать одни похороны за другими, будто оставшиеся в живых репетировали церемонию собственных похорон, ступая за гробом усопшего товарища… Мартовский ветер 85-го года принёс надежду на то,что Горбачёв продолжит реформы, начатые Андроповым. Но надежда эта рухнула почти в одночасье вместе с развалом большой и богатой страны, с первыми техногенными (Чернобыль, Украина) и природными (Спитак, Армения) катастрофами… Мы были ещё дружны, и сердце каждого из нас в унисон стучало с сердцами тех, на кого обрушились неимоверные испытания. И всё же: с какой лёгкостью мы разрывали узы, связывавшие нас столько десятилетий, поддаваясь потоку льющихся с экрана ТВ призывов о свободе и самоопределении и по- прежнему веря каждому печатному слову, которое работало теперь на распухавший от вливающихся в него нефтедолларов предательский кошелёк…

Новости каждого дня захватывали бурным потоком: некогда было остановиться, одуматься. Волной накрывало, уносило мощным течением в кажущуюся раем неизвестность... Народ, уставший от неудачных и затянувшихся экспериментов над страной, сам призвал нового мессию – резкого, волевого «повстанца» Ельцина. Его протестная речь на Президиуме ЦК партии расходилась по всем городам и весям в виде переписанных от руки листовок. Народ восхищался мужеством сопротивленца. Почему не хватило здравого смысла или желания ГКЧПистам честно представить народу, уже не верящему пустым обещаниям, ситуацию в стране? Эта преступная недосказанность в самых важных вопросах не раз уже приводила мою страну к разверзнутой пропасти, пред которой ужасный конец казался спасением вопреки бесконечному ужасу…

Глава 6. СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

Память солнечным зайчиком перескакивает с одного события на другое, листает без разбора календарь воспоминаний, останавливаясь на ярких картинках прошлого…

Студенткой я вышла замуж, родила сына, но продолжала учиться на очном отделении. Муж писал дипломную работу и потому, имея свободный график посещения занятий, мог оставаться с малышом в «общаге», где нам выделили уже 20-тиметровую комнату. А молодая мама «шпрехала» в это время на своих парах немецкого. Заочного отделения на факультетах иностранного языка и быть не могло. Грудное молоко оставляла в бутылочке. Его хватало до возвращения. Кормили сами, смесей тогда все старались избегать, да и не было их в таком количестве. Соседи, студенты-физики, приходили за сцеженным молоком для своей дочки. Делились – не жалко! Так у нашего сына появилась молочная сестра Инночка. Интересно было бы её сейчас разыскать в Интернете… Другие времена, другие скорости…

Гуляли с Юрком по два часа ежедневно, в любую погоду, спуская коляску без лифта с шестого этажа. Он быстро засыпал на свежем воздухе, а мы читали журналы, монотонно покачивая коляску. Именно журналы. Лавиной хлынул на нас поток живой, не известной доселе литературы. Все читали запоем, передавали литературные журналы из рук в руки. Открылась свободная подписка на то, что раньше было недоступно. В почтовом ящике появлялись один за другим «Новый мир», «Наш современник», «Знамя», «Дружба народов», «Иностранная литература»…Доступные по цене, увлекательные по содержанию. Так пришёл к нам «Доктор Живаго» Пастернака и замятинский роман «Мы», явившийся пророчеством, обратив нас «назад в будущее»… Роман Владимира Успенского «Тайный советник вождя» стал бестселлером своего поколения, проведя черту между сторонниками и противниками Вождя. После клеймящих Сталина «Детей Арбата» новый роман своим удивительным повествованием уводил в дебри исторического детектива, заставляя читателей копаться в неизвестных фактах биографии партийного лидера, размышлять, делать свои неожиданные выводы.

…Решение о возвращении в Балаково приняли без промедления. Мама была тяжело больна, а потому мы избежали привычного распределения и начали свою учительскую деятельность в балаковских школах. В то время не было многообразия учебников , но была чёткость и определённость, по которым все сейчас истосковались. Школа давала фундаментальные знания, развить которые предстояло вузовской системе.

Глава 7. ПОВЕРЬ В МЕЧТУ!

Лавочки под окнами с всезнающими соседками, лусгающими семечки, детский гомон во дворах, распахнутые настежь двери подъездов…Где вы теперь? Перестройка унесла с собой доверие и взаимовыручку,открытость

и добросердечность. Металлические двери на лестничных клетках, домофоны и кодовые замки,решётки на окнах первых этажей - это всё приметы девяностых… А ещё газовые баллончики и пистолеты в карманах, пиво рекой, рюмочные и распивочные повсеместно…Желание оттянуться со вкусом: живём один раз!

Появилось много собак. Их заводили большей частью для охраны. Потому породы были серьёзные: овчарки всех мастей, бульдоги, питбули. Их спускали с поводков, и во дворах царил полный беспредел:невоспитанные, необученные псы набрасывались на людей, сбивая их с ног, нанося страшные увечья.

В городе исчезли голуби. Поговаривали, что их съели бомжи. Причина исчезновения тараканов до сих пор не разгадана. Может, искусственная пища, напичканная консервантами и биодобавками, заставила их податься в другие края?

Чипсы, гамбургеры, кола, пицца, хот-доги, жвачка… Фастфуд заменил детям привычные каши, кисели, пирожки и запеканки. «Человек разумный» стал анатомически меняться на глазах: слабеющая мускулатура, «пивные» животы, двойные подбородки и анорексичные девочки-призраки наводнили городские улицы…

Образование перестало цениться. Разве что в денежном эквиваленте на вступительных экзаменах в вуз. Претендовать на место в мединституте можно было, подогнав иномарку под окна ректорского кабинета. Деньги, деньги, всюду деньги… Пардон, не деньги, - баксы. А «лучшие друзья девушек» - брюлики (бриллианты).

По стране снуют «челноки» - перекупщики, прежде называемые спекулянтами. Заводы и фабрики встают. А всем хочется «лёгкого хлеба». Самая популярная передача на Центральном ТВ – «Поле чудес» (в стране дураков, - договаривает, призадумавшись, интеллигенция). Получить можно всё и сразу, достаточно угадать пару-тройку слов, как в кроссворде, - и вот уже несут тебе пылесос, кофемолку, утюг, кухонный комбайн, а повезёт, так и суперприз-автомобиль станет твоим в одночасье!

Поверь в мечту! Реклама зубной пасты «Блендамед» сражает голливудскими улыбками, а стоматологические услуги становятся платными и малодоступными. Вся молодёжь мечтает получить экономическое или юридическое образование, чаще без особых усилий, в виде купленного диплома. Открываются всё новые и новые филиалы академий, университетов, колледжей, доводящих количество выпускников-"специалистов" до абсурда…

Разыгрывается страна, словно в карты: идёт земельный передел, рейдерский захват предприятий. Кто сумел, тот и съел…Набиваются кошельки новоиспечённых нуворишей, получивших название «новых

русских». Малиновые клубные пиджаки, золотые «пудовые» цепи напоказ, перстни-печатки, бритые головы – арсенал «крутых» парней, примеряющих на себя роли из американских боевиков… …И тут же не получавшие месяцами зарплату шахтёры, севшие на рельсы, стучавшие от безысходности касками. Их жёны с бунтом «пустых кастрюль»… Пропасть между людьми ширится, а самые крупные миллиардеры мира конкурируют теперь с русскими бизнесменами. Наварив своё состояние на скупке ваучеров, цветмета и недвижимости, воры устремляются во власть.

Пустеют дворы. Всё меньше детей играет в песочницах, да и песочницы эти давно разрушены, поломаны. Люди одеваются в чёрное. Под лавками валяются шприцы и презервативы. Мат и шансон перемешаны с тюремным жаргоном. Можно всё… Братва гуляет.

Глава 8. ВЕРА И ЦЕРКОВЬ

Мама умерла внезапно. Смерть всегда внезапна, даже если её долго ждёшь. Она впала в кому, и отец знал, что это начало конца. Участковый врач посоветовал готовиться к худшему. Организм, измученный болезнями и лекарствами эпохи перестройки (для снижения давления гипертоникам тогда назначали клофелин), не мог больше бороться. В такие минуты проносится вся жизнь перед глазами: что можно ещё успеть, чтобы помочь близкому человеку достойно завершить земной путь? А если не так высокопарно, то существует боязнь не выполнить последнюю волю умирающего.

Мама была некрещёная, но в последнее время часто выражала желание покреститься. Теперь же она была без сознания. Что можно было сделать? Оставалась последняя надежда обратиться за советом к местному настоятелю Святотроицкой церкви. Он отнёсся к нашей просьбе пренебрежительно, сказав, что сегодня ему некогда, а завтра поутру можно за ним заехать. Мы беспокоились, что до рассвета мама не доживёт. Но эти беспокойства не тронули его душу.

...Мама тихо «ушла» на исходе ночи. Приехали ребята из похоронного бюро и увезли её. Когда мы с отцом отправились в церковь, ещё теплилась надежда на возможную помощь нашим «заблудшим» некрещёным душам. В храме шло отпевание. Дождавшись выхода священника, мы обронили единственную фразу: « Не успели мы…»Вместо слов утешения грянуло громоподобное проклятие: «Вот теперь этот грех навсегда будет и на вас, и на ваших детях!» «Да уж куда больше-то!» - вырвались в ответ из сердца горькие слова. Затеплившаяся было вера в эту «могучую православную» рухнула окончательно. ..

Нина Яковлевна, сердобольная соседка, отслужила панихиду, ничего не прося взамен: светлая,добропорядочная женщина с тихим ласковым голосом. «Может, всё-таки покреститесь сами?» - вновь и вновь спрашивала она меня после похорон. «И я бы свой долг выполнила, если бы вы веру приняли… Уж больно семья у вас добрая, хорошая». И добавляла, тяжко вздыхая: «Не серчай ты на него: батюшка – не Господь ведь…» Нет. Как отрезало. Больше никогда я так и не смогла поставить знак равенства между Верой, Богом и Церковью.
А священника того вскоре посадили за сбыт цветного металла.

Глава 9. СТРАНА В ШОРТАХ

Станция… Полустанок… Разгорячённые пассажиры выскакивают на перрон поразмять ноги. Клетчатые, полосатые, как матрац, спортивные шорты, бриджи, бермуды мелькают за окном. Жара, июль…Страна надела летнюю униформу. Всё менялось вокруг. К лучшему или нет, - об этом мы задумаемся позже. А сейчас… Коней на переправе не меняют. Грезились иные – счастливые - времена за грядой малопонятных метаморфоз. Мы приехали в Ульяновск к бабушке с малолетними детишками. Молодящаяся свекровь встречала нас с личным шофёром. Стоял жаркий июль. Я сварганила себе и мужу шорты по выкройкам из популярного в то время журнала кройки и шитья «Burda moden». «Они у тебя, как иностранцы», -расплылся в улыбке недоумевающий водитель. Пройтись взрослому человеку по улице в шортах в начале 90-х было равнозначно променаду в трусах.
Увлечение чёрными колготками вызывало по меньшей мере удивление иностранцев: «У вас в России так много женщин лёгкого поведения?» Сытый голодного не разумеет. Невдомёк им, что чёрный цвет не только практичен, но и дефекты скрывает. А когда порвутся колготки, русская женщина их выбрасывать не спешит, а заштопанные под брюками носит. Швы и заплатки на чёрном не так заметны. Ну, а когда по всем швам треснут, выстирает, аккуратно разрежет на кусочки и долго ещё кусочками этими посуду моет, завернув в каждый из них обмылочек вместо дорогущего заморского чистящего средства. Экономно.Экологию мы изучали на практике. Сдавали многоразовую стеклянную посуду, стирали полиэтиленовые мешочки, высушивали их на верёвочке,чтобы использовать ещё не один раз. Баночки из-под крема и флакончики от духов применялись вновь и вновь, своими сохранившимися ароматами напоминая о путешествиях и городах, откуда были привезены когда-то… Но хлынул поток пластикового лихолетья, и заполонили все дворы ненужные никому бутылки и упаковки от иностранных товаров. Прошёл десяток лет, прежде чем в ротацию вернулась русскоязычная

попса. А русский шоколад из пасынка превратился в любимое дитя. «Россия - щедрая душа!» - повторяли мы вслед за рекламой, а Самарская шоколадная фабрика была уже отдана на заклание фирме «Нестле». Весёлый фейерверк жвачек и фастфуда наградил страну ожирением и бескультурьем. Разговаривать на американский манер стало делом обыденным, надувая и лопая перед лицом собеседника резиновые пузыри,смачно чавкая при этом и растягивая прилипшую к зубам жвачку. Молодые мамаши, гуляя с малышами, попыхивали им в лицо сигаретками, вальяжно отпивая по глотку пиво из жестяных банок, между делом отборно матеря своих канючащих чад…

Глава 10. ШКОЛА ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

После рождения дочки я многое пересмотрела в своих взглядах. Я взрослела вместе с ней, ощущая всю сложность её девичьего характера. Рядом со своими малышами я проживала второе детство – новое, отличное от моего, но удивительное и увлекательное.

Чтобы не отстать от стремительной жизни, я окунулась в новое для себя дело: преподавание в так называемой «Школе эстетического воспитания», в создании которой просто назрела необходимость. Сначала в ДК гидростроителей, а затем под патронатом известного в городе предпринимателя и мецената Петра Голубя. Мы принимали в обучение дошколят и предлагали им в рамках воскресной школы получасовые занятия хореографией, живописью, музыкой и немецким языком. Это были первые ростки подобного воспитания в нашем небольшом городе и вполне успешные. Занятия проводились в присутствии родителей. Сфальшивить было невозможно. Уроки превращались в игру одного актёра, которому дети беспрекословно внимали.

Результат не заставил себя ждать: дети стали поступать в открывающиеся гимназии, продолжая дополнительное образование в профильных кружках,студиях и школах искусств. Школа эстетического воспитания воспитывала и каждого из нас, требуя отношения к слушателям как к равным полноценным личностям. А сотрудничество преподавателей духовно обогащало.

Александр Иванович Подгузов… Если вы когда-нибудь в детстве рисовали себе образ художника, отрешённого от действительности, парящего над суетой, - то это непременно был его образ. За открытой улыбкой и распахнутым навстречу вам взором стояла сложная судьба художника-авангардиста, отца семейства, вынужденного зарабатывать скудные гроши на лечение тяжело больной жены-художницы и растить двоих детей…

Каждый мазок, положенный малышом на бумагу, вызывал у него искренний восторг. «Прекрасно! Великолепно!» - слышался голос Александра Ивановича, словно перелетавшего от мольберта к мольберту. Как тут не стать Малевичем или Кандинским?..
Елена Ивановна вела занятия хореографией. Хрупкая светловолосая женщина говорила с детьми загадочными словами: батман тандю, па-де-де… Но через пару занятий обыкновенные малыши выполняли уже замысловатые па, подчиняясь её волшебному голосу.
Моя сестра Ольга учила детей слышать и видеть музыку. Случалось ли вам ощущать музыку в цвете? Чувствовать прохладу одной мелодии и страстный,огненный жар другой? А её маленькие ученики видели и чувствовали это. Заслышав первые аккорды, они наперебой кричали: «Это Бах! А это Вивальди!»
Я часто сравнивала мысленно нашу перестройку со временем Леонардо да Винчи. «Человек – мера всему!» - утверждал великий Шекспир. И теперь здесь, на глазах, совершались подлинные чудеса раскрепощения личности. Необыкновенные масштабы приобретало книгоиздательство, росли, как грибы, кружки, объединения по интересам, открылся театр, а за ним и филармония, рождения которых жители ждали не одно десятилетие. Но вместе с тягой человека к светлому и прекрасному мы получили и совсем иные, американские, ориентиры.Это потом, спустя годы,пробьётся к людям информация о пресловутой доктрине Алена Даллеса, где по пунктам прописан план покорения России.
Осознание этого будет происходить медленно и тягостно. Как тут не вспомнить слова другого гуманиста великой эпохи Ренессанса: «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу…» А сумерки и вправду сгущались…Введение платных услуг в образовании, жестокая борьба за место под солнцем, медицинское шарлатанство, рейдерские захваты территорий и предприятий- всё это явилось прямым следствием той анархии, в которую вылились так называемые демократические преобразования. Прав тот, у кого больше прав. А права на всё повсеместно покупались.

Глава 10. СТЕРЕОТИПЫ

Решение выйти из комсомола мы с мужем приняли одновременно и раньше нашего Президента, решившего сдать свой партийный билет. На волне демократического подъёма, понимая, что структура ВЛКСМ используется уже давно не по назначению, что фактическое пребывание в организации является формальностью, мы сделали этот шаг, вопреки общему мнению «досидеть» положенный срок внутри комсомола, заявив, что активное участие в жизни страны отнюдь

не связано с тем, к чему ты «приписан». С этого момента началась моя активная общественная деятельность. Не плыть по течению, а сопротивляться жизненным обстоятельствам, пошлости, косности, стереотипам стало теперь моим жизненным кредо.
На работу я пришла в брюках: стильных, женственных, классических. Мобильно, аккуратно, удобно. Объясню для того, чтобы стало ясно: женщины-учителя никогда доселе у нас в городе брюк на работу не носили.
Коллеги ахнули: ты так на работу явилась? И тебе ничего не сказали? А что мне могли сказать? В инструкции и правилах внутреннего распорядка об этом не было ни слова. А что не запрещено, то разрешено. Стильные женские брюки в это сложное время было не достать. Джинсы появлялись изредка, трикотажные тоже, а «классики» не было. Тогда, купив 2 пары мужских брюк солидного размера, светло-серых, из шерсти с лавсаном, мы с сестрой распороли их, отутюжили и по пресловутым «бурдовским» выкройкам скроили себе модные вещи.
В годы перестройки на рынок хлынул поток китайских низкопробных товаров: линючих, расползающихся по швам… Умение шить, вязать и вышивать, переданное с любовью бабушкой ещё в глубоком детстве, теперь нас выручало. И дети мои, и мы сами были одеты со вкусом и ндивидуально. Перелицовывали, комбинировали вещи, носимые не раз, но имевшие настоящее советское качество, а потому и отличный товарный вид даже спустя многие годы.
Так вот, замечаний мне никто сделать не посмел, а по углам шушукались и получали предупреждения от руководства: надеемся, что, как она, на работу вы не додумаетесь в штанах прийти! Стереотипы – вообще статья особая. Они были навязаны ещё прежним укладом жизни.
Мой выход из отпуска по уходу за дочкой совпал с событиями 91-го: суверенитет России, выход Ельцина из КПСС… Чтобы удержаться у власти, руководители быстро принимали новые правила игры. Вслед за Ельциным все забыли о своей партийной принадлежности, но и поддерживать его особо не торопились. В обществе чувствовалась насторожённость: куда ветер подует? Но два месяца после августовского путча стоял полный штиль. Вместо ожидаемых бурных перемен. Новый президент, говорили, ушёл в запой…

Глава 11. ПЕРВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ…

Цинковый гроб пришёл в Балаково в лютые морозы. Провожали всем двором и всей школой нашего выпускника Женю Пузаркина… Первая чеченская…Брошенные под обстрел необученные мальчишки подрывались на минах, становясь в одночасье Героями России.

Мать шла за гробом, безутешно рыдая, голося и причитая. Младший братишка, хватая её за руку, метался в истерике. Гроб несли военные. Почётный караул призван был отдать последние почести погибшему… А в голове проносились нестареющие слова Александра Вертинского:

Но никто не додумался просто стать на колени
И сказать этим мальчикам, что в бездарной стране
Даже светлые подвиги - это только ступени
В бесконечные пропасти к недоступной весне!

Теперь об этом мальчике рассказывают ученикам. Женин портрет – в школьном музее… А бесценную жизнь этого светлого парня не воскресить…
Уводили всё новых и новых пацанов. Цвет нации, надежду России. А мы молчали.
Армейская мясорубка возвращала искалеченные тела и души, заглатывая другие, устрашая голодом, болезнями, дедовщиной… «Отмазаться» от армии стало делом обыкновенным, не подвигом, - залогом сохранения жизни. Но «заняньканные» матерями-одиночками, спасённые немыслимой ценой от воинской повинности дитяти подсаживались на наркоту, потеряв всякую потребность честно и достойно трудиться.
Городское кладбище. И впрямь немое свидетельство разгула девяностых… Уголок на Старом, где «стайкой» похоронены «чеченцы», на Новом - мраморные монументы на могилах «братков», конкурирующие между собой размерами и роскошью, покосившиеся кресты на могилах нищих и бездомных…Даже здесь, за гранью жизни и смерти, пролегла эта суровая черта непримиримости…

Глава 12. ТЁТКА

Мысли безудержно скачут: из прошлого в настоящее, а потом обратно… Вот слушаю Митяева, а память рисует картины недавнего прошлого… …Сын. Мне безумно повезло: старший – сын, сильный духом, лидер, младшая – дочка, красавица, мудрая женщина, мечта поэта… Они росли в страшное время… Это я начала понимать только сейчас.
Мы смотрим на фотографии 90-х. Счастливое детство!.. Оно делалось нашими руками. Руками взрослых: отца, матери, бабушки, дедушки, тётки… Любимой тётки. Они называли её Оленька. Называют так и доныне. Хотя ей давно не 20 с хвостиком. У неё не было детей. Так распорядилась судьба… А,может, она сама… Не «подсуетилась»… Но она искала любую возможность «побыть» с моими детьми. Заменить им

меня. Сполна. Чересчур. Безумно ревновала: неподдельно, по-настоящему… Учила их музыке, даже когда они сопротивлялись её настойчивости… Но самоучками они достигли потом многого: сын - поэт и композитор, а дочка – романтическая «домашняя» пианистка… Мы поехали с мужем в Питер. Он не был там ни разу. А меня «влюбил» в этот город мой отец: не раз он бывал там на курсах патанатомов. И я мечтала познакомить своего молодого мужа с городом моей мечты… Но с кем оставить двухлетнего сына? Ни на минуту не задумываясь, сестрёнка сказала: «Да!»

Сев в поезд, мы принялись писать открытку «с колёс», сопровождая свои «сочинения» самодельными рисунками. Мы уже скучали по сынишке. Но ему ни на минуту заскучать не давала молодая тётка. Она садилась с ним в первый попавшийся автобус и отправлялась на экскурсию! Он был в полном её распоряжении! Она так хотела этого! И она это получила! …Мы гуляли по Петербургу Достоевского… Муж специально прочитал комментарии к роману «Преступление и наказание» и водил меня по своему Петербургу… А я его по своему… Петербургу декабристов и Петра Первого… Я помнила, как нас вместе с отцом завели в зал Дома коменданта в Петропавловской крепости, попросили встать на то место, где стояли декабристы, и поставили виниловый диск, на котором известные заслуженные артисты читали воспоминания выживших декабристов о том, как им объявляли приговор… Каждой клеточкой своего существа я ощутила тогда то, что могли чувствовать молодые парни (декабристы), стоявшие здесь перед портретом Николая Первого, почему-то так похожего на …Путина…

А мой сынуля и не чувствовал нашего отсутствия: ведь с ним была тётка! Неуёмная её фантазия не знала предела: Олиной сверхзадачей было сохранить нашего малыша в его сказочном мире, который не в силах сокрушить временное отсутствие родителей! Ведь им она тоже хотела доставить радость! Они так рано стали мамой и папой, не успев попросту насладиться друг другом…

…У каждого в этой жизни есть своя миссия. Простой смертный не знает об этом. Исполняет свою роль, и всё… Какая миссия у тебя, моя Оленька? Не мучай себя вопросами и размышлениями. Всё было решено за тебя свыше. Пусть мы порою брюзжим. Говорим что-то невпопад… Знай одно: о такой тётке можно только мечтать!..

Глава 13. СОВЕСТЬ

Как не стать мизантропом в сжимающих тебя тисках обстоятельств? Как не разучиться любить себе подобных? Перестройка «опустила» одних из нас, разбила мечты и чаяния других, поделила мир на богатых и бедных,

«чёрное» и «белое», призвав людей поклоняться «золотому тельцу». Меркантильность и жажда наживы стали отличительными чертами времени. По телевидению в прямом эфире шёл благотворительный марафон, за которым следила вся страна. Многие вертели пальцем у виска, узнав, что мы с мужем - молодые специалисты – перечислили накопленные сбережения (одну тысячу рублей) в Фонд помощи детям, больным лейкемией. К слову, на эти деньги можно было в постсоветское время обставить однокомнатную квартиру. У нас самих было двое малолетних детей, но у наших детей было Детство…

Бабушка, прикованная к постели, отправила свою тысячу, которая ох как пригодилась бы ей самой на покупку дорогостоящих лекарств. Потому что не могла поступить иначе…

Трудно, пожалуй, сегодня объяснить эту невозможность дальше жить, просто дышать и радоваться наступающему дню, если ты смалодушничал, не поделился последним, что есть у тебя… Ты либо чувствуешь ЭТО, либо нет.

Или находишь для себя подходящее оправдание. Для нас тогда не было альтернативы. Мы просто понимали, что есть люди, которым тяжелее, чем нам… И когда на пороге нашего дома появилась корреспондент местного радио, я была удивлена. «Это Вы перевели деньги больным детям?» - «Да, но откуда Вы узнали?» Оказалось, что журналистка была на почте, где и услышала разговор о денежном переводе. «Почему?» - спросила она. Немой вопрос застыл в моих глазах: «Разве Вы не поступили бы так же?» Тогда не было слова «пиар», и мы не хотели разглашения того, что сделали. Сделали просто, по зову сердца, в надежде, что чью-то крохотную жизнь спасут эти бездушные дензнаки… Пожалуй, я никогда бы и не вспомнила больше об этом, если б не проскочившая в средствах массовой информации заметка о расходовании финансовых средств, поступивших на счёт Фонда, его руководителями. В своих личных целях. На поездки за границу и т.д. Так рушилась вера в добро и справедливость…

Выдержка. И ещё раз выдержка. Сколько раз она спасала меня! Не обрушить каскад эмоций на других, случайно или не понарошку обидевших тебя. Не сцепиться словами, царапающими душу. Всё труднее с каждым годом сдерживать себя, но тем приятнее ощущение собственной силы воли, радости за ненанёсенную рану или обиду… Слово - не воробей… Сколько же мудрых и жизненных поговорок хранит наш «великий и могучий»!

Можно ли оставаться человеком в трудных испытаниях, на роковых поворотах истории? И вновь отвечаю себе: да! Нужно. Даже если устал и решил смалодушничать. Есть высший суд – суд Совести. Она не отпускает грехи, не защищает и не оправдывает. Ей нельзя дать взятку.

Она наказывает по самой строгой статье Возмездием. И тот, кто надеется обвести её вокруг пальца, заранее обречён на провал**.**

Глава 14. МУСИНЫ

С Ириной и Валерой мы познакомились случайно, через общих друзей. Муж - инженер, жена – врач, да в придачу ещё двое ребятишек-погодков: сын и дочка –два бурундучка, сверлящие своим пристальным насторожённым взглядом незнакомца, изучая его и присматриваясь. Димка и Даша часто болели, а потому родители вынуждены были отправлять детвору на поруки к пензенской бабушке в деревню под таинственным названием Бессоновка. Оба возвращались оттуда краснощёкими и упитанными. Бабушка старалась!Неустанная и трогательная забота и здоровая деревенская пища делали своё дело.

Димка был нестандартным ребёнком. Он не только рисовал левой рукой, но и писал буквы в зеркальном отображении, как великий Леонардо. Будучи совсем маленьким, он «выдал» поэму о Кирилле и Мефодии в былинно-пафосном стиле, чем необыкновенно поразил нас – филологов. Нельзя было не заметить сильного влияния бабушки Клавдии Афанасьевны – сдержанной и уравновешенной женщины с открытым сердцем и заботливыми руками - истинно верующей прихожанки. Она научила ребят первым молитвам, и когда Димку мучали ночные страхи, он, по совету бабушки, успокаивал себя молитвой, после чего засыпал ангельским сном…

Ребятишки были чуть младше наших детей, что совсем не мешало их общению. Мы по-настоящему подружились: и взрослые, и дети. Однажды друзья пригласили нас осмотреть участок на берегу Волги, который они собирались приобрести. Кто бы мог подумать, что именно в этих местах, спустя десяток лет, я куплю дачу, и часто, купаясь и загорая, буду вспоминать тот самый день, когда мы с нашими детьми отправились на осмотр мусинского будущего «поместья». Солнце жарко припекало, ребятня

носилась по лесным лужайкам, как вдруг (почему-то гроза всегда бывает именно вдруг!), набежали тучи, и ливанул дождь! Мы стояли на конечной остановке, а автобус всё не шёл. Развернув пологом над детьми крохотные одеяльца(те что брали с собой для пикника) , мы держали их над собой вместо зонта, а ледяные струи весеннего дождя скатывались по нашим спинам…

В автобусе мы решили ехать «согреваться» к нам. Особо достойным внимания было растирание водкой «от ушей» и «до хвоста» четверых визжащих детей. Зато ни один из них не заболел. Неожиданно в семье Мусиных появилась собака – потешный щенок-

водолаз по кличке Виконт. Конечно, при самом качественном уходе этой северной собаке тяжело давался наш жаркий степной климат. Да и живут собаки недолго. После смерти Виконта Валера часто просил нас с мужем спеть под гитару нашу «Зимнюю песню», напоминавшую ему о преданности молчаливого друга. И не дослушав, выходил из комнаты. Мы знали, почему…

Так, наверно, у старых бывает,
У больших, мохнатых зверей,
Когда солнце зимой остывает
И метель прикорнет у дверей:
Каждый прячет свой нос прохладный
В распушившийся теплый хвост.
У порога воет снег – ну и ладно:
Лишь бы ты, мой зверь, не замерз.
Я прикрою тебя крупной лапой
И шершавым лизну языком,
Чтобы ночью навзрыд ты не плакал,
Не вздыхал в тишине ни о чем
Отогревшись, моргнешь мне глазом,
Замурзишься встревожено вдруг:
И тревоги развеются разом,
Когда рядом мохнатый твой друг.

Иринка- мать семейства – обладала неуёмным талантом рассказчицы: мы заслушивались её миниатюрами «из жизни уездного педиатра». До сих пор очень жалею, что не удалось её убедить записывать эти истории хотя бы на диктофон… Уникальный дар юмористки! Постоянные просьбы рассказать что-нибудь ещё сопровождали наши весёлые вечеринки. А сколько книг в это время мы перечитали со своими детьми! У Мусиных и у нас были прекрасные библиотеки. И мы с удовольствием обменивались книжками. Так оказалось, что с Иринкой у нас и впрямь были общие интересы в детстве. Во всяком случае, наши читательские пристрастия совпадали почти во всём. Стоило одной из нас произнести начало какой-то любимой фразы, как другая тут же её заканчивала. То же было и с кинофильмами. Мы могли упорно помногу раз смотреть одни и те же полюбившиеся комедии, а затем «вворачивать» в повседневный разговор афоризмы и безудержно хохотать над ними. Благодаря Иринке, мои дети узнали Мэри Поппинс и Джеральда Даррела. Знаменитые «Записки ветеринарного врача» Джеймса Хэрриота произвели на нас поистине неизгладимое впечатление. Эта книга, подаренная подругой моему отцу, которого все Мусины необыкновенно уважали, и сейчас

занимает почётное место на книжной полке.Танцы и песни под гитару, шумные игры, дружеские споры и смех – в этой атмосфере росли наши дети. А за порогом стояли перестройка, приватизация и передел собственности, безработица и чеченская война… Страна наша трещала по швам, но каждый из нас продолжал профессионально делать своё дело: врач – лечил, учитель – учил… Мы желали разумных перемен.

Глава 15. БЕЗЫМЯННАЯ

Мы забыли, что значит бегать босиком… Кругом мусор… Битое стекло… Одноразовые шприцы…

...Мы шли с Балаковки босиком… Жарко припекало июльское солнце. Жгло лопатки. Пыльная дорога заставляла шагать в темпе… Мы заглядывали с любопытством в окна деревянных домов на Вольской. И мечтали уже, что завтра опять зашлёпаем по той же улице к берегу маленькой речушки, на которой, не снимая многослойных юбок или затасканных штанов,купаются местные цыгане… Трогательная, наивная дочкина улыбка и твёрдый шаг сына… Все тревоги ещё впереди. А пока вы – толькошкольники. Кончается 20-й век. У всех нас первая важная дата–в нём… Там мы родились. У всех нас свидетельства о рождении в исчезнувшей с географической карты стране – СССР…

Как все мы хотели убежать от себя! Чтоб не догнали, не мучили воспоминания… Ан нет! Приходят. Являются. Светлым прошлым. Может, и правда, прав Лис из «Маленького принца»: «Нет в мире совершенства!..»

"Там хорошо, где нас нет", - ещё одна, народная, мудрость. …Играем. По-прежнему играем в Жизнь. Будто и не учат те перестроечные годы… Опять хочется надеяться на то, что детям выпадет настоящее Будущее. А не Будущее из американских фэнтэзи и боевиков… …Кто же выдумал нашу Жизнь? Кто заставляет нас бежать по замкнутому кругу, словно цирковых лошадок? Живём один раз… Почему же всё, как в черновике? В надежде на новый шанс… Да будет ли он?

Жизнь, действительно, здорово изменилась. Вернуться в прошлое, положа руку на сердце, правда, не хочется. Это этап пройденный. В нём много «тебя», «твоих» переживаний и эмоций… Но он уже канул в лету. Смысл всей жизни – в развитии, эволюции. Сказано не мной, но голосую за это обеими руками. Per aspera ad astra. Жизнь – фантастическое путешествие на космическом корабле под названием «Земля». Летит он сквозь время и пространство и несёт на себе нас – этаких муравьишек со своими амбициями и судьбами. А мы цепляемся за него, утопая в своих бесконечных распрях и раздорах, будто надеясь прожить не одну ещё земную жизнь. Время торопит, поджимает, и вот уже конечная станция

показалась впереди. И на черновик писать эту жизнь попросту некогда. Клади - не клади новые мазки на холст времени, старые краски будут проступать и будоражить память.
Всем нам хотелось жить по правде и справедливости. Но человеческая натура такова, что получая даже минимум власти и достатка, тут же забывает о своих благих намерениях и романтических устремлениях к Добру и Истине. И Рыцари Круглого Стола вмиг превращаются в крестоносцев и мародёров…
Желание реванша в начале нового века вновь разбивается о несовершенство мирового устройства. Каждый из нас сам по себе брошен в лихолетье броуновского движения. Поиск собственного предназначения упирается в безмолвную мудрость бытия. Вечный вопрос. Без ответа…
…Я иду с непокрытой головой, простоволосая, навстречу степному ветру. Жадно вдыхаю аромат лугов и полей… Я не жалею себя. Не жалею других. «Каждый из нас одинокий странник, молча бредущий в гордыне своей…». В поисках Истины.

И что дурного в выдумке моей,
Чтобы прожить всю жизнь по расписанью
Лишь честных, откровенных, добрых дней,
В стремлении духовного познанья?

ЭПИЛОГ

Вы, люди будущего! Вы безумно интересны мне… В лёгких кроссовках, потёртых джинсах, вытянутых футболках, с наушниками и айпадами, отрешённые и загадочные, будто существа из параллельных миров, скользите вы по асфальтовой коже городов… Вы спешите куда-то, говорите на одном вам понятном языке Интернета. И всё же мне с вами по пути! Мы разные, но в вас есть то светлое начало, которое утратило поколение предыдущее. В вас есть Жажда Жизни! Вам всё по плечу! Вы не спасуете перед трудностями. У вас другие цели, своя миссия в этом мире. И мне легко с вами. Легко молчать и быть отстранённой. Вы не лезете в душу. Вы такие же путешественники, как и я.
Может, слов было сказано слишком много, и теперь пришло время помолчать? Чтобы начать эту Жизнь заново. Ведь в Начале было Слово...
27.07.2012

АЛЕКСАНДР МИХИН

http://www.stihi.ru/avtor/mikhin

Родился 11 марта 1929 г. в городе Фролово Волгоградской области, в потомственной охотничьей семье. Образование среднее техническое, перепробовал массу профессий, в течение 17 лет имел разъездной характер работы. Исколесил бывший СССР. Инвалид 1 группы. Не одно поколение предков занималось охотой. Предки были собаководами, и все без исключения содержали борзых. К охоте приобщили рано. Начальные охотничьи азы преподавала мама. На протяжении всей жизни все свободное время отдавал натаске, незначительно нагонке, от 10 до 12 лет травил борзыми лисиц и зайцев, в 13 лет по указаниям поставил подружейную(ирландку). С тех пор птичий "фанат". Многократно бывал на коллективных охотах. Из всех охот предпочтение отдавал охотничьей поэзии, охоте из - под стойки вальдшнепа.

КАВКАЗ

(поэма)

Воспеть непросто мне Кавказ.
Загадочны под снегом горы,
За далью лет в который раз
О них ведутся разговоры.
Блестит на солнце льда узор.
Не каюсь, делая повторы:
По убежденьям, круче гор
Бывают только сами горы…
Казбек, на склоны кинув взор,
Ласкает ледников торосы.
Таинственность – рожденье гор…
Хранят гранитные утёсы
Обвалов пушечные гулы,
Стремительный полёт орлов,

Убогость саклевых аулов,
Рёв многочисленных ослов.
Поток бушующей воды,
Вот самобытная природа!
Еле заметны троп ходы
Разноязычного народа.
Тумана свежести бальзам
В ущельях празднует утрянки.
Сок жизни, пенящий нарзан,
Кубганы наполнял горянки…
В тени чинар абрек незримый
Торопит в мыслях миг объятья,
Ждёт шороха шагов любимой.
Чу! Шелест простенького платья…
Горянка шла под гору быстро,
На ноги брызгала роса,
Не издавало звук монисто,
Лишь колыхалась в такт коса.
Любовь преград не замечает,
Порою рвёт цепей приют,
А ту, которую встречают,
Увидят – камнями побьют.
Суровых правил племена,
Законы – скальные просторы!
Устой сломали времена,
Развал Союза и раздоры.
В той смуте есть кого винить:
К стыду, тот «деятель» был русский,
Умел спиртное лихо пить,
Икорку требуя к закуске.
Границ России смерив дали,
Смутьян на радостях запил.
Тем временем басмач Дудаев
Головорезов всех сплотил.
Но вот правитель вышел с транса
(Знать, сердце начало хандрить),
Не разложмв даже пасьянса,
Решился горцев усмирить.
Цель есть, нужна кандидатура –
Чин генерала и не лох.
Та генеральская натура –
Чечню в момент… В бараний рог!..

Порядок наводил Грачёв
(В живых Мироновича нету…).
Позором стал стяг кумачов…
Весть облетела всю планету.
Внимает распрям горый край,
Свой суд в пространство не выносит,
Вновь автоматов злобный лай
Виновных и невинных косит…
Здесь настигала смерть юнцов,
Не знающих девичьей ласки.
А горе матерей, отцов?
Страшнее самой страшной сказки.
Лилась и нынче льётся кровь,
Забыт адат гостеприимства…
Родилась беспредела новь,
Скаху точней: престижа свинство.
…Зачинщик бед добился льгот,
О привилегиях не тужит,
Покинул пост под Новый год,
Казна в финансах щедро служит…
Все решены в быту вопросы,
Но в сердце шум… Дела плохи…
Ну, а с больных какие спросы?!
Простили прошлые грехи…
2009 год

РОМАН БАРЫШЕВ

https://vk.com/id166756022

Родился 3 декабря 1993 года в г. Балаково. Получил историческое образование в Саратовском госуниверситете. Увлекается палеографией, т.е. расшифровкой, переводами и идентификацией русских кириллических рукописей, написанных с XI века до 1917 года. Пишет прозаические и стихотворные произведения, нередко связанные с историей.

ДОМ С ГРИФОНАМИ

I

Был летний день. Юный Граф (как его при рождении назвали любящие всё необычное и изысканное родители Петровы, что передалось и их сыну) читал книгу, сидя на скамье в небольшом дворике у частного дома, в котором он жил. Тем временем кони, запряженные в колесницу Гелиоса, стремительно гнали повозку за край Ойкумены- одетое в пурпур Солнце заходило за высокую кирпичную стену, сложенную давным-давно для предотвращения пожаров среди обилия деревянных построек и закрытую отчасти вьющимися виноградными лозами, растянувшими свою сеть, словно пауки. Слова в фолианте от наступления темноты уже были почти не видны, глаза заболели, и наш герой отложил том в сторону и огляделся. Он попал из книги в другой мир, картина которого будто воскресла из далекого прошлого. Старый бревенчатый дом, где жил худощавый Граф с тонкими чертами лица и аристократической прямой спиной, был окружен яблонями, ветви которых, словно руки Атланта, склонились под тяжелым небесным сводом сонма крупных наливных плодов – был урожайный год. Позади виднелись резные наличники небесного цвета, старенькие ворота с жестяными навершиями на столбах, утопавшие в зелени, за которой

словно бы хотел, но не мог спрятаться из-за своей тяги ввысь, словно у только что зажжённой свечи, старинный собор. Купол его красовался золотым огнём в отблеске потухающего светоча дня. Колокола чинно оглашали перезвоном округу. Если бы не бетонные столбы с проводами, снабжавшими местных электричеством, можно было бы подумать, что этот вид – не настоящее отражение в хрусталике глаза скромной красы и прелести старой части современного провинциального города, а чудом дошедшая до нас фотокарточка, сделанная в глубинке царской России Прокудиным-Горским, который открыл первым в стране цветные снимки.
Граф загляделся на всё это и посидел бы тут ещё, но он ещё собирался прогуляться со своим псом по старому городу, поэтому пошел за поводком, который вскоре был вынут из сарая. Услышав бряцание звеньев цепочки, Цербер в нетерпении лаял, прыгал и вставал на задние лапы так, что можно было принять его за медведя, если бы не свернувшийся в бублик длинный черный хвост. Не без труда хозяину пса удалось перецепить к поводку Цербера, который рвался на свободу. Хотел бежать радостный пёс от опостылевшей ему будки, бывшего сундука с пропиленным для входа отверстием, от надоевшей за день ямы, которую он себе выкопал, чтобы спрятаться от зноя в тень, под ветхой конюшней, где и лошадей не водилось никогда, а только, по рассказам бабушки и деда, мелкий скот вроде овец и коз был там. Ворота двора Цербером были преодолены с таким же ожиданием и восторгом, который, наверное, был у Цезаря, когда он перешел Рубикон.
Привычный для хозяина и его пса поздний променад по старому городу, контрастнее которого, пожалуй, мало что можно найти, начался. Во тьме, редко прерываемой светом фонарей, виднелись бедные и пышущие роскошью, низкие и высокие, деревянные и каменные, полуразрушенные и сумевшие сохранить блеск своей первоначальной красоты здания. Все они – разные, особые, не похожие на современные строения, которые подобны друг другу.
Граф думал по пути: «Здесь – сердце, колыбель провинциального городка, моей малой родины; место, где реальное и фантастическое сливаются воедино. Особенно это ощущение ярко сейчас, поздним вечером. Нет дневного шума людей и машин, который отвлекает от обстановки, когда старый город-лишь декорация. Ночью же он становится главным лицом, героем. Из звуков-только редкий лай собак и шелест листьев деревьев от ветра…»
Ноги словно сами приводили попутчиков из мест, виденных много раз и хорошо знакомых Графу, в почти незнакомые закоулки. Дорога гуляющих пролегала по допотопному торговому пути, который связывал два города. Он вел к местной речке Березовке, на берегу которой очень давно стояла тьма хлебных амбаров, а у пристаней- множество торговых судов. До

строительства ГЭС эта река была полноводным притоком Волги. За Березовкой некогда находились купеческие сады, о которых Графу рассказывал покойный прадед. До сих пор кое-где среди колючек можно было увидеть одичавшие яблони. Далее, где теперь находился канал, пролегали леса.

Дошли до старинного собора, который был виден со двора дома, где жили Петровы. Со стены храма торжественно и чудно смотрел мозаичный лик волоокого Спаса Нерукотворного, от которого было трудно глаза оторвать – так хороша была работа старых мастеров, имена которых канули в Лету. Видел Спас почти всю историю города: и строительство его, ещё молодого, купцами-меценатами, тратившими неисчислимые по местным меркам состояния на строительство учебных, культурных заведений, церквей (в том числе и этой) и своих особняков, и разрушение большевиками остальных четырех соборов города, и мощение новоявленными атеистами дорог иконами, пахнущими ладаном, и закрытие самой церкви и превращение её из храма в театр и в прочие заведения до сравнительно недавнего возрождения его как собора…Пройдя сквозь яростную бурю событий века ушедшего, сохранился он лишь благодаря бесценным мозаикам.

Напротив ремесленное училище, где учились прадеды Петровы, один из которых погиб на войне. Выжившему тогда прадеду Владимиру Ивановичу оно запомнилось с вывеской над входом: «Коммерческое училище», которым здание, построенное одним из меценатов, разорившимся от столь затратной затеи и оставшимся надолго в народной памяти, было до Советов.

Далее они свернули на другую улицу, усыпанную преимущественно деревянными домами, усыпанными архаичными узорами змей, перуновых молний, растений. Кое-где виднелись старинные кирпичные стены домов, каменные ворота с арками, на которых виднелись кольца: вероятно, к ним некогда привязывали лошадей или иной скот.

На следующей улице вдалеке виднелся бывший торговый дом купца Ермилова. Его угловую башню трудно было не увидеть – так высока она была по сравнению с окружавшими его зданиями. Мимо этого торгового дома всегда раньше Граф Петров проходил по пути в школу. Здание было одним из любимых его строений в родном городе. Плавная верхушка и башенка находились в гармонии с простыми пилястрами, разбавленными статуями покровителей этого заведения. Среди них были Гермес, покровитель торговли, Артемида, которая обеспечивала удачу в охоте, первый земледелец Тиресий и покровительница урожая Деметра со связкой хлебных колосьев.

Все эти допотопные дома бедных и богатых владельцев, обыденность для старого города, в совокупности своей, создавали единый облик милого

сердцу уголка. Так же обычны для него и увлекательны для Графа были заброшенные вековые здания и подвалы, примеченные во время прогулок. В них была таинственная, почти мистическая, мрачная прелесть. Правда, он немного побаивался туда ходить один: опасался наткнуться на хулиганов-вандалов, пьяниц, наркоманов, нищих, но любопытство всегда побеждало, и он шёл туда как ни в чем не бывало.

В строениях огромного старого завода, огражденного зарослями сорняков и кустов, Граф недавно ходил часа два. Там сохранилась обстановка сталинско-брежневских времен: кое-где виднелись красные кресла, разбросанные инструменты и детали станков, документация. Будто впопыхах и в панике покидавшие этот завод его работники оставили в небывалом хаосе праздничные плакаты, с которыми недавно они ходили на демонстрации: «Мир! Труд! Май!», «20 лет Победы!», «50 лет Октября!» и другие, подобные им. В маленьких заброшенных кирпичных зданиях можно было найти прелестные, трогавшие душу остатки лепнины, от которых веяло былым уютом, на стенах и потолке; в темных подвалах старинных торговых домов, куда без фонарика не стоило идти, - как правило, ничего, кроме гор мусора и затхлого, сыроватого воздуха; в самих купеческих домах для торга - изуродованные до неузнаваемости в советское или настоящее время, сиротливо пустые интерьеры.

Парень, размышляя, не заметил, что уже оказался с псом недалеко от дома. Пользуясь задумчивостью хозяина, Цербер уже успел на ходу перелаяться с находящимися за заборами собаками, поесть, пока Петров не видел, какой-нибудь помойной дряни вместо надоевшей каждодневной каши с костями и был этому несказанно рад. Граф и Цербер остановились возле двора. Хозяин погладил собаку и хотел было зайти домой, но пес, разлегшийся на прохладной траве, словно хризолитовый бегемот в болоте, немного отдышавшись, стал порываться еще гулять.

Спешить было некуда, поэтому Граф не стал загонять Цербера во двор, а пошел с ним вокруг квартала - очень уж он любил своего питомца. На соседней улице Петров увидел старое здание лечебницы, бывший особняк, принадлежавший некогда почётному члену городской думы, купцу Савве Голованову, с поздними советскими пристройками. Видимо, этот дом был недавно брошен населявшими его работниками - зеленая резная дубовая дверь была открыта настежь, словно приглашая туда новых гостей. Граф не решился в столь поздний час войти в здание, тем более, что там не было освещения, и попытался хотя бы прикрыть дверь, но тщетно. Всё-таки он захотел в ближайшие дни посетить бывшую поликлинику.

Вскоре Граф и Цербер вернулись домой и, устав от длительной прогулки, повалились почти сразу спать.

II

На следующий же день Граф Петров пошёл к тому самому заброшенному зданию поликлиники. Издали он увидел его стены, покрытые жёлтой плиткой, популярной в архитектуре модерна конца XIX – начала XX веков.
Над тройным венецианским окном было спокойное, умиротворённое лицо женщины, укутанной пеленой – то ли древнеримской весталки, то ли средневековой монахини. В нём, в том числе и во взгляде, словно читались слова надписи, начертанной на кольце царя Соломона: «Всё пройдёт. И это – тоже…» В народе говорили, будто это – изображение покойной жены купца Голованова, по которой он сильно горевал после её смерти и долго потом не женился. Далее, над окнами в духе рационального модерна, переплетались между собой триумфальные лавровые венки древних победителей. Над тяжёлыми дубовыми дверями был навес с теми же венцами и гирляндами с изящными финтифлюшками, сделанными не без хорошего вкуса, а наверху – барельеф с величественными грифонами, обвитыми пышными лентами и державшими в лапах пики, а в клювах – ветвь.
Когда Граф вошёл в распахнутую дверь, первым, что бросилось в глаза, была удивительной красоты лепнина на потолках. Она напоминала ему тонкой работы кружевные платки старых мастериц. Девушки с ранней юности плели свои работы, всё более научаясь, собирали их, а потом оставляли в качестве приданого в своих сундуках. Чем больше славилась мастерица своим умением, тем больше у нее было шансов на успешную свадьбу. Эти кружева, будто вытащенные из древних сундуков или вытащенные из фондов какого-нибудь краеведческого музея в глубинке шестой части Земли, расстилались по белоснежным потолкам, слегка усеянным местами паутиной и несущественными трещинками, возникшими от старости работы. От этого рукотворного чуда невозможно было отвести глаз. Каждая комната отличалась своими особенными чертами: в прихожей наверху расцветали пряничные розы; в следующем после неё помещении, вроде коридора, вился по периметру потолка дикий плющ, украшенный цветами; в вышине огромного зала были гроздья винограда с миниатюрными ягодками, с увядающими ранней осенью листьями в чарующем стиле модерн… В других комнатах, окна которых выходили на улицу, видимо, находились в незапамятные времена обитатели. Там лепнина была поскромнее, но не теряла своего очарования. Особенно умиляли склонённые, словно под свежим утренним, майским дождем, тюльпаны в спальне хозяина дома, интерьер которой вплоть до мелких и несущественных, казалось бы, деталей резьбы на деревянной мебели придумывала его вторая жена Прасковья Ивановна.

Околдованный красотой потолков и мечтательно попавший в объятия мёртвой принцессы во время исполнения менуэта, Граф Петров до поры до времени будто не замечал одиноко висевший в центре лепной розетки, на потолке, в зале крюк, оставшийся от изящной старой люстры, ободранные стены, сорванные с петель резные белые двери, спиленные наскоро батареи советских времён, бардак, среди которого лежали брошенные медицинские карты, сломанная витрина регистратуры, битое стекло…

Он бродил ещё долго. Зашёл на второй этаж, где раньше, видимо, жила прислуга и где ничего интересного не было, кроме будто забытых пластмассовых ведёрок с надписями, сделанными краской: «Для ваток», «Для бахил», разбросанных кресел и стульев, какие бывают в провинциальных поликлиниках.

Вернулся на первый этаж, где нашел выход во дворик, где до сих пор росли посаженные неведомо когда у ограды берёзы. Стены были покрашены очень давно, сломанная временем водосточная труба краснела у жестяной крыши, дорожка поросла высокой травой. Вся эта картина напоминала изображение заглохшего, однако не покинутого жителями старого дворянского гнезда, сделанное Борисовым-Мусатовым, будто забывшим дописать на фоне милого сердцу уголка призрачный силуэт девушки в старинном платье с кринолином.

Словно очнувшись ото сна, Граф Петров вернулся в дом, а затем направился к выходу этого, как показалось нашему герою, живого музея, где остались отпечатки разных времён. Дом ему безумно понравился, жаль было только, что особняк стал безлюдным, осиротелым… Что же будет со зданием, если вовремя не заняться его спасением?

III

Граф прочитал заметку в газете о том, что за судьбу дома Голованова уже борются работники местного музея, которые высказались за возможность превращения особняка в свой филиал, где будут выставлены интересные фондовые экспонаты, места для которых в сегодняшнем храме старины уже не хватает, но городской бюджет не позволяет оплатить довольно затратные реставрационные работы, хотя здание находится в муниципальной собственности; что некоторые предприниматели собираются выкупить это здание и устроить там какое-нибудь доходное место.

Парень подумал: «Многие люди во время Перестройки и после неё, в 90-е, шли самоотверженно, не надеясь на награду, восстанавливать осквернённые, заброшенные и разрушенные храмы; потом, узнав об этом, подтягивалась к данному делу и общественность. Дело начиналось с

малого и росло, как человек с младенчества до зрелости. Не попробовать ли и мне поучаствовать хотя бы в уборке здания бывшей поликлиники? От этого ничего не потеряю, а польза, хоть небольшая, будет. Если у тех волонтёров получилось, почему не получится у меня?»

В утренние часы он стал ходить убираться в доме Голованова, захватив с собой вёдра для мусора, совок и метлу. Постепенно из зала, а потом и других комнат стали пропадать битые стекла, обломки старых кресел и прочие вещи, пришедшие в негодность. В здании наводились порядок и уют. Графу казалось, что первый шаг к возрождению дома с грифонами уже сделан, что наведённая более или менее чистота поможет защите дома от вандалов. Только снятые с петель и лежавшие на полу тяжёлые белые резные двери и остатки срезанных батарей на стенах напоминали, что строение заброшено.

В последние дни уборки там парень узнал о возможности хорошего заработка на севере страны, решил поехать туда. Перед своим отъездом Граф Петров на всякий случай закрыл на стоявший в прихожей дубовый засов главный вход в здание, а, выйдя во двор и с трудом преодолев забор, выводящий на улицу, подумал: «До свидания, милый дом! До новых встреч! Хоть бы получилось сохранить тебя, когда все вопросы с хозяином, средствами на восстановление будут решены. Надеюсь, что это произойдёт в скором времени…» Грифоны благосклонными царственными взглядами провожали его в путь-дорогу.

IV

Пожелтевшие, как страницы древних книг, листья, сорванные северным ветром с прикрывающих свою наготу деревьев, бежали по пустынной дороге до ближайших луж, где, будто утопая, топорщились и сопротивлялись. Увязнув в болотистой жиже, они тихо опускались на дно, словно немые караваны мертвых седых кораблей из одной давней песни. Некоторым же листьям, летевшим с караванами птиц на юг, удавалось мчаться вперёд и вперёд по воле рока событий смелыми буревестниками над дремучими лесами и голыми полями, над извилистыми реками и глубокими озерами...

Так же стремительно мчался и поезд, в котором Граф Петров возвращался домой. Работа на севере закончилась, денег он получил сполна. Не грех теперь вернуться на малую родину. Угрюмые сосновые чащобы, будто сошедшие с иллюстраций Билибина к русским народным сказкам, близ дороги сменялись берёзовыми рощами и просторными степями. Ни о чем особо не думалось, хотелось временами спать и иногда любоваться скромной прелестью природы и небольших станций и деревень. На ум приходили строки «Из окна вагона» Андрея Белого:

«Пролетаю: так пусто, так голо...
Пролетают — вон там и вон здесь,
Пролетают — за сёлами села,
Пролетает — за весями весь…»

На душе у Графа и у многих других пассажиров поезда было так же пусто и голо. Наш герой уже собрался почитать книгу, но и это было лень делать из-за усталости от долгой, тяжёлой работы, которая, наконец, кончилась, от пасмурной погоды и от особой атмосферы, которая царила в этом своеобразном храме кошачьей апатии, где гимном поездов и железных дорог целые сутки напролёт был храп, редко прерываемый соседскими байками о жизни. Однако, наверное, всё было гораздо проще. Лень, потому что лень.

Спустя непонятное количество времени, которое, не глядя на билет и на часы, никто не мог посчитать из-за постоянной осенней темноты, наш герой прибыл в родной городок, по которому успел соскучиться за последнее время, и в душе сильно радовался своему возвращению. Долго за ужином Граф рассказывал родителям всякие курьёзные и интересные истории, произошедшие за последние три с небольшим месяца, потом никак не мог уснуть, не отойдя окончательно от долговременного, почти летаргического сна в поезде, но его всё-таки сморило, правда, уже под утро.

V

В ближайшие к своему приезду домой дни парень и не вспоминал про бывший дом купца Голованова, сидел дома и на улицу почти не выходил. Всё же он вскоре решил прогуляться. Променад проходил как обычно и уже подходил к концу, как вдруг Граф увидел здание, находившееся в крайней степени запустения, с разбитыми оконными стеклами, за которыми виднелась только тьма, стенами, изуродованными непонятного содержания граффити, распахнутыми дверями и сломанным забором. С трудом по лепнине, поросшей от осенней сырости лишайником, и зелёным резным створкам входа парень узнал в этом заброшенном строении дом с грифонами.

Граф Петров решил туда зайти. С порога он почувствовал зловоние, поднялся по небольшой лестнице в прихожей, прошел в зал. На обделанном полу лежали битое стекло, бутылки и банки из-под выпивки. Стены и там были в наскальных росписях подростков, устраивавших здесь пирушки. Целая летом мебель сейчас была разбита и не подлежала восстановлению.

На парня, удивлённого и ужаснувшегося попранным величием этого особняка, нахлынуло отчаяние от того, во что превратилось здание к его

приезду. Было больно от своих оказавшихся ненужными трудов по уборке дома. Граф, словно ужаленный, чуть ли не побежал к выходу оттуда.
По дороге домой парень приметил несколько старых деревянных домиков, вид которых изменился за столь короткое, как показалось Графу, время. Вязевый орнамент одних был закрыт сайдингом или кирпичом, у других узорочье наличников было выброшено на помойку, третьи вовсе сброшены с корабля современности, сгорев случайно (либо нет) или будучи снесены.
В голову лезли мрачные мысли: «Царит свобода разрушения. Даже в первые годы советской власти, в безумные дни Гражданской войны, когда в усадьбе, находившейся неподалеку, в роскошном камине сжигались мёрзнувшими малограмотными солдатами древние ценнейшие книги из библиотеки купца Кузнецова, бывшего хозяина дома и почетного гражданина города, чтобы погреться, здания не страдали. По крайней мере, в такой степени точно.
Сейчас же это сплошь и рядом. Никаким декадентам рубежа XIX-XX веков не снилось это свинство. В революционную пору хоть и творилось разрушение дворянские усадеб и церквей, но большая часть действительно интересных памятников зодчества сохранялась, будучи отдана в руки красной власти, творившей новый мир и светлое будущее.
Сейчас судьба основной части старинных зданий печальна. При таких быстрых темпах вандализма Иванов, родства не помнящих, Хамов, уже не грядущих, а наступивших, духовных мертвецов погибнет старый город, островок былого мира, теряя стремительно и безвозвратно свой прекрасный облик».

VI(a)

Дом с грифонами так и не выходил из головы Графа, которого мучила мигрень уже несколько дней с момента последнего посещения особняка. Наконец, парень решил посетить снова это место, которое притягивало его, словно магнит.
Наш герой пришёл в давно знакомое здание дома купца Голованова. Переходя из комнаты в комнату, пытаясь запомнить красоту уходящего в небытие и ностальгируя по миру, которого он не застал, но о котором много читал, в своем воображении молодой человек воскрешал призраки былого: хозяев дома, их гостей, первоначальную обстановку дома… Граф припомнил написанную им же самим на днях заметку обо всём этом:
«Грифоны в состоянии войны. Распростертые крыла их готовы взмыть вверх для битвы, в клювах - триумфальные венки и ленты, в лапах - пики. Взгляды же дышат одновременно величественным спокойствием и тревогой, надломом.

Роскошное здание, на котором они изображены, было построено в аккурат перед Великой войной 1914 года именитыми людьми, известными в своё время по всей округе. Они тогда не знали, что буквально через несколько лет покинут дом по известным всем причинам.
Всё же на дворе еще четырнадцатый год, хозяева ещё не ведают, что старый мир погибнет, не собираются срывать священный абажур с лампы. Они живут в уютной обстановке, хотя и их затронули тяготы войны. Для поднятия духа в народе и сбора средств на нужды фронта в богато украшенном лепниной и резьбой доме устраиваются вечера с исполнением патриотических песен, слушая которые, люди верят в свою победу в кровавом и, как окажется потом, бессмысленном месиве, жертвуют. Только когда уже будет совсем поздно, прозвучат страшные слова:

"Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть не дрожавшей рукой,
Только так беспощадно, так зло и не нужно
Опустили их в Вечный Покой".

А пока поднялась вся Россия на ратный подвиг "с железом в руках, с крестом в сердце"...

VI(б)

Молодой человек, «полный тягостною думой», долго бродил, забыв о течении времени, пока не услышал неожиданные для себя шаги, доносившиеся из другой части здания. Сначала он принял их за кажущиеся видения, возникшие от давней мистической обращенности ума к духам прошлого, но звуки нахождения в доме ещё кого-то не утихали. Парень было хотел поспешно убраться из здания, но тут же сообразил, что шаги слышны со стороны главного входа. Про возможность уйти через открытую дверь, ведущую во двор, и сломанный забор он как-то позабыл.
Тут Граф увидел старого нищего, который застыл в недоумении, испугавшись непрошеного гостя. Бородатый бомж хоть и был одет в изношенную, открытую для всех ветров одежду, но она была не очень грязной и сравнительно опрятной. Из кармана куртки виднелись две стеклянных бутылки, наполненных, видимо, дешёвым пойлом. Похоже, что сегодня у него намечался пир.
– Кто такой? Зачем ты здесь? – спросил нищий.
– Местный житель. Живу неподалеку отсюда. Мне нравится любоваться этим домом и предаваться тут размышлениям, – отвечал Граф.
– Ах, ты новоявленный философ… Что ж, я сам в твои годы был таким же мечтателем.

– Ваше лицо кажется мне знакомым…
– Неподалеку отсюда, на площади у рынка, я часто прошу милостыню и за гроши декламирую великие стихи, которые в юности заучивал. Точнее, читаю те из них, которые остались еще в закоулках памяти.
– Точно! Я Вас вспомнил.
– Если не против, не брезгуешь моим обществом, приглашаю тебя на пир. Только из-за моего сегодняшнего голодного и холодного скитания дай денег на оплату портвейна, которым меня сегодня одарила судьба.
– Да, конечно. Много с кем раньше пил, но с нищим да ещё и чтецом стихов на симпосии не бывал. Делать всё равно в этот вечер нечего, и я приму твоё предложение, – произнёс Граф, проверив карманы и протягивая завалявшуюся там мелкую купюру бездомному.
– За этот милый дом, пристанище для заблудших душ! – нищий радостно открыл бутылки и протянул одну из них молодому человеку.
– За него!
– Что ж мы стоим? В ногах правды нет. Садись на ту белую дверь, снятую с петель. Я тоже присяду.
Долго эти двое беседовали в ночной кромешной тьме на отвлечённые темы. Граф и нищий с сосудами почти возлежали на дверях, ставших ложами, в лучших традициях древнегреческого пира. Чем ближе было наступление нового дня, тем более опустошены были бутылки, тем более пьяны становились наши герои, тем более искренними становились их разговоры.
– Как же ты остался без крова, будучи таким умным и начитанным? – спросил Граф.
– Родственники выжили из дома, когда жена померла. У нас с ней брак не был оформлен да и детей не было, а супруга завещания на меня не успела составить и скоропостижно ушла в мир иной. Тут дальние родственники с её стороны, наследнички, набежали делить квартиру, не стали давать мне житья там, выгонять стали. Правда закона была на их стороне. Мои начитанность и ум тут не при чём. Деваться некуда было: я уже из-за старости и отсутствия работы не мог трудиться, возраст уже подходил к пенсионному, а другого жилья на примете не было. Вот и пошел скитаться. У Надежды Тэффи есть строки по этому поводу:

«К мысу Радости, к скалам Печали ли,
К островам ли сиреневых птиц…
Всё равно, где бы мы ни причалили,
Не поднять нам усталых ресниц».

Теперь нашёл пристанище на время здесь, в таком же, как я, брошеном, никому не нужном, забытом Богом доме…

– Жаль, что старикам, вроде тебя, приходится бродяжничать по миру. Жаль, что учёность и образование не спасли тебя от бедственного положения в пору заката жизни, – соболезновал Граф.
– К чему мне твои сожаления, если придётся замерзнуть где-нибудь, если вовремя не найдут моё бренное тело, если оно может при этом пойти на корм голодным бесхозным собакам? – парировал нищий.
Возникла неловкая пауза.
– Однако смею возразить насчёт окончательной заброшенности этого здания. Оно всё же является памятником архитектуры местного значения. Надеюсь, что его всё-таки сохранят как культурную достопримечательность нашего городка. За судьбу особняка сейчас продолжают бороться. Я же летом наводил здесь порядок, насколько это было в силах… – сказал Граф.
– Пока будет длиться волокита с документами о собственности или владении, восстановлении прежнего облика дома и прочие невидимые нашему глазу простолюдина процессы, остатки его былого великолепия, которые мы видим сейчас, будут утрачены из-за изменений погоды, из-за вандалов, которые навели и будут наводить здесь беспорядки. Из-за этого не видно твоих трудов по уборке здания.
– Как ты думаешь, что движет молодыми хулиганами, приводящими особняк в непотребный вид?
– Слава Герострата. Их сила изначально – не добро и не зло, а просто сила. Созидать хотя бы малое, не говоря о великом, ставшие вандалами не могут, не научены. Не умеют они хранить старое и вершить новое, уважать чужие усилия, не познав собственного труда. Разрушение же – гораздо более простой, быстрый способ вписать в историю своими граффити на стенах свои имена. Это же, видимо, сильно поднимает их гаденькую самооценку.
– Сейчас вандалы перестали сюда ходить, наверное, из-за осеннего похолодания. Надолго ли настало это спокойствие для дома?
– Можно только предположить, что они вернутся с наступлением тепла весной.
– Кто же во время запустения будет здесь хозяином, если вандалы здесь – только нежеланные гости, заходящие в здание, когда им вздумается?
– Бездомные люди, вроде меня. Если не выгонят отсюда или не найду местечка потеплее этого, останусь здесь хозяином. Им были в царское время богатый купец, потом, во времена Советов до недавнего времени, государство. Сегодня это заброшенное, разрушающееся потихоньку, защищающее только от бурь и ветров, что творятся на улице, холодное здание — в полном своем смысле, без оговорок – в народной власти, которой в таком виде, вряд ли, хотели достичь в свое время рабочие и крестьяне. Теперь она им не нужна: здесь даже взять нечего; а для жизни

здесь даже бедных людей оно не пригодно. Сейчас, в эпоху безвременья, тут правит бал нищий.
– Долго ли здесь будет так называемая абсолютная власть народа, долго ли будет длиться бумажная волокита?
– Если зданию и тем, кто за него радеет, повезёт, то, наверное, в ближайшие год или два. Не повезёт, – что ж, у всего есть свой век, всё когда-нибудь кончается.
Богатый купец строил себе этот дом и не ведал, что проживет в нём недого, только до революции, что коротка будет его жизнь, что не унесёт он с собой в могилу своё огромное состояние. Человек с хорошим здоровьем и телесной красотой не может без конца сохранять свои качества. Только бедняки, нищие и болезные, роптавшие при жизни на нелёгкую судьбу, ничего не теряют, уйдя на тот свет. Как говорили древние, в царство мёртвых каждый может унести только мелкую монету, но и её придется отдать перевозчику душ Харону. Всё, что остается от богатого и нищего, – прах и голый череп, – философствовал нищий мудрец.
– Как же жизнь человека связана с веком здания? – спрашивал вновь Граф.
– Та же история происходит со старым домом. Вместилище призраков, он так же, как и человек, со временем дряхлеет, былую молодость ему невозможно или, по крайней мере, трудно и очень дорого возвратить даже постоянным богатым хозяевам, породнившимся с домом, и опытным врачам-реставраторам. Без опеки старое здание разрушается, мертвеет, а на его останках рано или поздно вырастает и пробивается, словно жизнелюбивый цветок через толстый слой асфальта, новое здание уже со своей историей, в котором зародится новая жизнь.
– Не факт, что оно станет таким же прекрасным. Как же быть, если старинные дома, построенные со вкусом, уступают из-за ветхости своим преемникам, молодым зданиям, сделанным без его наличия?
– Это значит, что пора дряхлеющим домам на покой. Во все эпохи появлялись новые стили, а старое, как правило, поколение всегда ругало молодое за безвкусицу…
– Однако стоит заметить, что время великих стилей уже ушло в небытие, что унаследованные от советской эпохи дома-коробки без прикрас всё больше и больше заполняют городское пространство, не оставляя места причудливым зданиям ушедших эпох.
– Что ж, целый музей под небом вроде сохранённого старого города – это, конечно, хорошо, но кто за всё это будет платить? Никакого бюджета не хватит. Что касается нынешних богачей и власть имущих, то они не будут строить даже себе дома в старом духе, потому что слишком много на это денег уйдет, потому что большинство из них – люди сего дня, не особо

интересующиеся тем, что постепенно попадает на свалку истории или уже там оказалось.
– Многие же памятники архитектуры пережили поколения, которые сейчас уже и посчитать-то трудно. Те же афинские Парфенон, Эрехтейон…
– Это ты, сынок, сильно замахнулся. Нам бы сохранить свои великие творения старых зодчих хотя бы в Москве и Ленинграде, где их всё равно часто уничтожают и неудачно реставрируют. А насчет Парфенона расскажу историю. Веке в XVII была война между турками-османами и венецианцами. Турки решили перехитрить противников и расположили пороховой склад в знаменитом древнегреческом храме, считая, что венецианцы, как носители европейской культуры, произрастающей из наследия Эллады, не станут стрелять по Парфенону. Османы сильно ошиблись. Пороховой склад венецианцы в угоду недолгому военному успеху взорвали, сильно повредив бывший храм. Вот тебе и трепетное отношение потомков к своему наследию.
– Сейчас же всё-таки не XVII век…– возражал Граф.
– Отношение с тех пор к старой архитектуре, на мой взгляд, мало изменилось.
Парень не стал спорить.
– Вспомнилось в тему стихотворение Александра Блока. «Сусальный ангел» называется. Есть там такие строки:

«Ломайтесь, тайте и умрите,
Созданья хрупкие мечты,
Под ярким пламенем событий,
Под гул житейской суеты!
Так погибайте! Что в вас толку?
Пускай лишь раз, былым дыша,
О вас поплачет втихомолку
Шалунья девочка – душа...»

– По твоему мнению выходит, что всё наше наследие – «созданья хрупкие мечты», о которых горюют лишь немногие души? – спросил с сомнением Граф.
– Именно. Разве ты, читая книги по истории дома, его хозяев, города и ходя по комнатам этого здания, не придумал сам себе романтизированное прошлое с балами, красавицами, лакеями, юнкерами, которое в действительности существовало некогда лишь отчасти? – сказал бездомный.
Граф не ответил на вопрос, который посчитал риторическим, но подумал, что нищий ловко смог нащупать содержание сокровенных дум, которые

одолевали парня в последнее время. Между тем парень заметил, что портвейн в его бутылке давно закончился, что начало светать, что, несмотря на интересный разговор, после долгого бдения хотелось спать. Граф Петров поблагодарил нищего за беседу и выпивку, попрощался, захватив с собой две опустошённые бутылки; тот в свою очередь звал ещё молодого человека к себе на огонёк, признаваясь в обычных для него скуке и отсутствии собеседника.

VII

Придя домой, Граф никак не мог уснуть, несмотря на усталость. Его глодал последний вопрос, заданный ему нищим. Парень решил почитать, чтобы немного отвлечься.

Как и всё, связанное со стариной, наш герой любил исторические романы. Начав некогда с Радзинского, он перешёл на Пикуля, сейчас же принялся за произведения Мережковского. В данный момент парень читал «Юлиана Отступника» про времена римского императора, который после принятия христианства в качестве государственной религии кесарями Константином и Констанцием пытался повернуть времена вспять и возродить языческую веру предков.

Наш герой наткнулся, словно на клад, на строки диалога Юлиана с другим учеником философа Максима Эфесского Орибазием. Юлиан Отступник словно читал мысли Графа, отражал его последние настроения: «Я люблю всё уходящее. Я люблю благоухание умирающих цветов…Мне нужна эта сладкая грусть, этот золотистый и волшебный сумрак. Там, в далекой древности, есть что-то несказанно прекрасное и милое, чего я больше нигде не нахожу…»

Парень жадно продолжал поглощать слова последнего языческого римского императора: «…я иногда боюсь вашего нового! Оно кажется мне холодным и жестоким, как смерть. Я говорю тебе, в старом – мое сердце!.. Верь мне – новое только в старом, но не стареющем; в умершем, но бессмертном; в поруганном – в прекрасном!» Далее Юлиан говорил, что христиане со своей новой религией похожи на воронов, слетающихся «на белое мраморное тело Эллады», которая, по мнению кесаря, осталась в сердцах языческих современников, «не может умереть», несмотря на то, что галилеяне попирают ее. Орибазий же отвечал страшными словами: «Живого тела вороны не клюют, а мёртвые не воскресают». Юлиан Отступник говорил, что язычество, правда старого мира, победит, но в эти слова мало верилось, учитывая то, что после недолгого правления кесаря христианство вновь победило в римском мире, показав, что в одну и ту же реку нельзя войти дважды.

Граф захлопнул книгу на месте окончания главы и задумался над прочитанным. Оно усилило в нём пессимистические настроения.

VIII

Парень в последнее время выходил на улицу только по крайней нужде. Денег, полученных от заработков, пока хватало на жизнь, а трудоустроиться ещё не удавалось. Однако сейчас он решил прогуляться, потому что быть дома сильно надоело.
По пути к местной речке Березовке Граф Петров приметил ещё одно, видимо, недавно заброшенное, старинное здание. Он быстрым шагом прошел небольшой мост через реку и быстро оказался на другом берегу.
Проходили последние осенние дни. Природа билась в предсмертных конвульсиях. Было зябко на сильном ветру. От него сухие, пожелтевшие камыши и голые деревья, которые образовали своими вершинами тоннель без конца и без края, шумели и бились в агонии. Сквозь ветви виднелось тяжёлое, свинцовое небо, и не было границы между ним и дорогой, уходящей вдаль. Начался дождь, от которого просёлочная дорога всё больше превращалась в «расхлябанные колеи». Ноги холодели от полусырой, полузамёрзшей грязи, какая была в эту же пору несколько лет назад на кладбище, когда хоронили прабабушку Графа Петрова. В голове, будто на заевшей грампластинке, вертелся куплет декадентской песенки начала прошлого века:

«Вас уже отравила осенняя слякоть бульварная,
И я знаю, что, крикнув, Вы можете спрыгнуть с ума.
И когда Вы умрёте на этой скамейке, кошмарная,
Ваш сиреневый трупик окутает саваном тьма…»

Он вернулся с реки в старый город вскоре, когда уже наступил вечер. Всё, окружавшее случайных прохожих, было окутано туманом, который навевал таинственность и мистику. Воображение парня воссоздавало не только связанных с историей дома с грифонами, но и других некогда населявших городок людей.
Граф размышлял: «Старый город – это место живых и мёртвых. Не прав Орибазий из «Юлиана Отступника», что ушедшие на тот свет не воскресают! Они возрождаются в уме и сердце, словно духи на спиритическом сеансе, и живут там. Блуждая по улицам, особенно вечером и ночью, невольно осознаю, что по ним пятьдесят, сто лет назад и, может быть, ранее, когда этот город был молод, ходили предки, как и мы сейчас ходим.

В этом деревянном доме они жили, каждый день проходили мимо той кирпичной арки, учились вон в том здании, весь первый этаж которого теперь исцарапан именами тех, кто здесь был и кого уже давно нет. Вот здесь, в строении с окнами в виде арок и с арабесками навеса над входной дверью, они работали, ходили в гости в этот двухэтажный дом с узенькой лестницей, ведущей в тёмные, запылённые теперь сени, где чудом сохранились массивный круглый стол и дряхлый венский стул, готовый вот-вот развалиться…

При виде всего этого вспоминается множество легенд, которые дряхлые старики рассказывают внукам, о людях, живших когда-то здесь, о зданиях, о бесконечных подземных ходах и кладах. Старый город наполнен продуктами мыслей, чувств и трудов ушедших в Вечность людей, реальностью и мифами, которые уже неразрывно связаны между собой и стали историей. Этот островок давних времён посреди океана современности готов в любой момент растаять в дымке тумана, как невидимый град Китеж…»

Находясь недалеко от бывшего дома купца Голованова, парень решил заглянуть на огонек к нищему, декламировавшему стихи. Когда он подошёл к бывшей поликлинике, понял, что ни в какие гости к бездомному он не попадёт. Здание недавно сгорело, о чём свидетельствовали покрытые копотью пустые глазницы окон, проём парадного входа с остатками дубовых дверей, преграждавших дорогу внутрь особняка, и обвалившиеся местами от жара лепнина и плитка. Грифоны, хранители благополучия дома, вырвались из осыпавшейся цементной корки здания и покинули свое давнее пристанище, ставшее непригодным для их гнезда. После пожара без этих обитателей особняк оказался пустым и мертвым.

Граф ничего не мог поделать с уходом в небытие своего старого друга. На место давно гноившейся душевной раны, казалось бы, неожиданно пришли гаденькое спокойствие и странное равнодушие: «Остаётся только свыкнуться с падением хрупких созданий мечты, признать бесповоротно это ужасное событие. Древний фантастический мир умер. Скоро рухнет и остальной старый город, но он и так пожил достаточно. Да-да. Наверное, так и должно быть». Герою почудилось, что с этой мыслью он окончательно повзрослел.

Проходили последние осенние дни. Природа билась в предсмертных конвульсиях. Было зябко на сильном ветру. Пахло кладбищем. Балы, красавицы, лакеи, юнкера утонули без единого крика в чёрной жиже сумерек. Островок давних времён посреди океана современности растаял в дымке тумана, как невидимый град Китеж…

ЛЮДМИЛА КАЛИНИНА

http://www.stihi.ru/avtor/popova1969
http://www.proza.ru/avtor/antares777

Родилась в 1953 г. в пос.Октябрьский Саратовской области. В 1969 г. году получила первую премию, участвуя в конкурсе молодых поэтов, проводимом журналом «Советский школьник». Участница и обладательница премий литературных журналов и конкурсов «Перо Жар-птицы» (Саратов), «Поэтическое ристалище»(Рязань) и межрегионального конкурса Всероссийского общества инвалидов (Оренбург). Записала аудиосборник стихов «Раздумья». Печаталась в журнале Всероссийского общества слепых «Наша жизнь». В настоящее время проживает в г.Балаково.

НОСТАЛЬГИЯ ПО СОВКУ

В одно прекрасное утро на «радио России» прозвучал вопрос к радиослушателям: «Испытываете ли вы ностальгию по советским временам?» Ответов прозвучало много, самых разных, в том числе и от молодых, которые в «совке прожили детство и юность». Их настроение вполне понятно. И я его тоже в каком-то смысле разделяю. Недаром великий классик написал: «Что пройдёт, то будет мило». Позвонить я так и не решилась, потому что о своей ностальгии рассказать так просто не смогу. Она у меня имеет едкий отчётливый горький привкус. Детские годы прикрыты радостным розовым флёром ожидания чего-то прекрасного в будущем. С приходом юности возник и начал накапливаться тайный и не совсем осознанный протест против

существующих порядков. Мы были в то время вполне сознательными комсомольцами, но, что называется, держали фигу в кармане. Недовольство наше было не политическим, а носило, скорее, бытовой, кухонный характер: квартирный вопрос для нас, молодых, был первостепенным. Получить жильё от родного предприятия было не реально, а накопить на кооперативку у молодёжи не получалось. Невозможность купить самые необходимые для жизни вещи была одним из самых больных вопросов. Моё поколенье хорошо помнит бешеные московские поезда, в которых мы везли всё, от детских ползунков, до копчёной колбасы, и крики москвичей в очередях: «Понаехали тут!»

Так, что, ностальгия наша с душком.

Но при всём при этом я и многие мои знакомые мечтали о счастливом будущем для наших детей. Когда страна рухнула, в такую катастрофу не верилось. И теперь поколение так называемых лохов чешет репу: какие ещё катастрофы готовят нам элитные мальчики из заокеанских университетов? Надеюсь, нам увидеть этого не доведётся.

АНАСТАСИЯ КАРАЧЕНЦЕВА

http://www.proza.ru/avtor/3806330655558

Я никогда никого не обманывала.
Но я позволяла людям обманываться.
Они не очень старались узнать, кто я на самом деле.
Зато легко придумывали меня.
И я готова поспорить с ними.
Они любят меня такой, какой я никогда не была.
А когда они обнаружат это, то обвинят меня в обмане**.**

ДЖЕКПОТ

Алая ткань в лампе под потолком танцевала, повинуясь потоку воздуха, и тем самым создавала иллюзию пламени, которое бросало мягкие, тоже танцующие тени на стены. Света, излучаемого лампой, было явно недостаточно для освещения столь большой комнаты, однако все абажуры на столах были погашены. Кроме одного, который стоял на столике в самом центре зала. Вывеска на двери гласила, что кафе давно закрыто, но два поздних посетителя не спешили уходить. Бармен, официанты, повара – все давным-давно уже спали в своих кроватях. Кто-то один, кто-то с супругой, а кто-то и со случайной гостьей. Всего через какие-нибудь два часа весь персонал проснётся, поднимется из своих тёплых постелей и отправится на работу. В этот день, недотёпа швейцар здорово получит за то, что, уходя последним, не выключил свет. Будучи мертвецки пьяным накануне, тот даже не вспомнит, как уходил домой. Но всё это будет через пару часов, когда шумные работники кафе придут на работу. А пока за седьмым столиком в центре зала неторопливо беседуют двое мужчин. Один из них теребит ручку и в который раз перечитывает бумагу, лежащую перед ним на столе, всё ещё не решаясь поставить свою подпись.
– Значит, я избавлюсь от этого навсегда, так? С трудом верится, после всех мучений, что принесли мне эти людишки своей банальной невнимательностью. И никаких угрызений совести, кошмаров по ночам или необъяснимой хандры? Вы гарантируете мне спокойствие младенца. Невиданная роскошь в нашем гнусном мире , – неуверенно произнёс мужчина в сером пиджаке. Он взвешивал каждое слово, прежде чем

произнести его и было видно, что внутренние чаши его весов неподвижно замерли в равновесии, не давая принять их владельцу окончательное решение.
– Совершенно верно. Теперь очень немногие могут себе позволить подобное, и вы становитесь одним из таких счастливчиков, – подтвердил его собеседник, играя с монеткой. Он заставлял её описывать немыслимые круги по поверхности стола, и она, падая на скатерть, поочерёдно показывала то орла, то решку. Клиент уже несколько раз сбивался при разговоре: невольно следя за монеткой, было интересно, почему она никогда не падала, например, дважды орлом. «Как же он так делает?» – уже в который раз задался этим мальчишеским вопросом мужчина в сером пиджаке, но, сделав усилие, отвёл взгляд от монетки и продолжил слушать её владельца.
– Но, спешу вас заверить, – продолжал тот, – не вы первый и не вы последний. По крайней мере, сегодня – уже пятый. Что же я не слышу должного восторга в вашей речи? Вы же игрок. Неужели сегодня ставки слишком высоки для вас?
– Откуда вы… – начал перепугано тот, но тут же усмехнулся собственной наивности. – Право, не думал, что вы собираете слухи. Уверяю вас, это не более чем грошовые сплетни. Не скрою, что страдал этим грешком, но как иначе существовать достойным людям в этом мире, не имея выхода порокам. Иногда нужно выпускать пар, так сказать. Но теперь это всё в прошлом. Хочу заметить, что нашёл другую отдушину.
– Мы вчера играли за одним столом в «Аттике», – спокойно улыбнулся мужчина.
Его собеседник нахмурился и, ни слова не сказав, снова принялся читать договор.
– Как быть со свидетелями? – снова спросил он. – Ведь было полсотни свидетелей. Меня проинформировали доверенные люди из полиции, что уже более половины из них опрошены. Не подумайте, что я эгоист, свидетелей можно запугать, а более несговорчивых не жалко и убрать с дороги, но меня сейчас больше волнует полиция. Следователь – мерзкий моралист, этого ничем не проймешь; более того, у меня с ним личные счеты. Терпеть таких не могу: трудно найти рычаги давления. Ещё немного и на мне будет висеть уже два убийства. Конечно, я не сомневаюсь в вашем профессионализме. Я только предупреждаю о препятствиях, которые возникли у меня при самостоятельных попытках решить маленькую сложность, о которой мы говорим. Хочу, что бы вы поняли: меня интересует эта сделка только с гарантией, что ни одна живая душа…
– Об этом не беспокойтесь, – последовал ответ, и человек с перстнем закурил сигару. – У меня собственные методы работы. Уникальные, если хотите. Свидетели, полиция, судья, случайные сплетни в городе, информация в прессе – это все входит в круг моих обязанностей. Я даю вам 100-процентную гарантию результата. Сегодня утром все проснутся,

и забудут о вашей причастности к этой «маленькой сложности». Кстати, это всё прописано в договоре, – добавил он.
– А что касается трупов? Точнее, меня интересует только один, которому я лично и неслучайно, так сказать, помог стать клиентом морга, – мужчина в сером пиджаке решительно отпил из своей рюмки.
– Мой дорогой мистер…
– О, ради всего святого, – перебил его собеседник , – не произносите мою фамилию вслух. И у стен есть уши, – замахал руками он.
Выпустив струйку дыма из сигары, человек с перстнем поморщился, но, ничего не ответив на это замечание, продолжил.
– Вы настолько глупы, что не понимаете одну простую истину, которую я пытаюсь вам донести уже четверть часа. Я уничтожаю воспоминание, делаю вашу персону невидимой для следствия, а не помогаю избавиться от улик. Если угодно, за дополнительную плату, мои друзья могут помочь запутать следствие в будущем, если вас выдадут отпечатки пальцев или следы около трупа. Однако, насколько я осведомлён, с данным человеком вы расправились намного аккуратнее, чем со случайными жертвами происшествия, о котором идёт речь в договоре.
– Само собой, – пробормотал клиент, немного поёрзал на стуле, как бы отгоняя от себя неуверенность. – Я уж тут решил, что если очищать совесть…пардон, память, то неплохо было бы позабыть все свои мелкие грешки, – произнёс клиент. – А что же взамен вы даже не попросите мою душу? – попытался он неловко пошутить. Однако, человек, сидящий напротив, оставался неподвижным и внимательно наблюдал за жертвой. Поняв, что шутка не удалась, тот хихикнул сам себе под нос и затих, снова уставившись на договор.
– Душа – это не в моей компетенции, – не спеша ответил мужчина. – Я беру время.
– 20 лет, – вслух прочитал собеседник и сразу сгорбился, словно под тяжестью непосильной ноши. – Это же несметное количество восходов и столько же закатов, – прищурив свои быстрые глазки и попытавшись придать лицу искреннее сожаление, он задумчиво посмотрел в сторону. – Тысячи завтраков…знаете, я буду жалеть только о завтраках. Именно утром, чесночные булочки с тёртым сыром имеют наиболее приятный вкус. Не смейтесь, у меня иногда складывается впечатление, что моя жена может их приготовить, как следует, только утром. Ах, Натали, ей будет тяжело одной.
– Помилуйте, я не вижу поводов для торга, – усмехнулся человек с перстнем. – Вы изменяете своей жене 7 раз в неделю, и после вашей смерти у неё остается такое огромное наследство, что, даже если и она и вздумает горевать, это продлится не слишком долго. Не стоит так удивляться: прежде чем начать работу с каким-либо клиентом, я узнаю всю возможную информацию о нём. Зря вы так хмуритесь: между прочим, я сделал вам скидку – целых пять лет. Подумайте только: минус двадцать лет, но никакого суда и тюрьмы.

– Эти годы потеряны в любом случае, – внезапно клиент решительно пошёл на попятную.
«Слишком глуп и порочен, – улыбнулся про себя делец.– Ты уже не откажешься». А вслух сказал:
– Помните мистера Вэсторна? Ах, вы обязаны помнить этого джентльмена, именно его оглушительное фиаско в покере подзадорило вас на продолжение игры. Сколько вы тогда выиграли? Несколько тысяч? Цифра была близка к миллиону, и бедняга свёл счёты с жизнью. Но это всё мелочи, мы все когда-то достигнем финала в гонке жизни. Вспомните тот момент, ту минуту, когда вы впервые почувствовали в своих руках деньги в том количестве, о котором и мечтать не могли. Это ощущение лёгкой наживы, этот опьяняющий запах удачи. Разве вам не хотелось бы ощутить это вновь?
Глаза клиента жадно загорелись.
– Без преувеличения, это была лучшая минута в моей жизни.
– У вас большие перспективы, – продолжал продавец.– В конце концов, не так важно количество, сколько качество. Всё это оставшееся время вы можете провести с пользой, в свое удовольствие и со спящей совестью – казино, красивые женщины, деньги. Зачем же всё перечеркивать ради десятка бесполезных жизней, – небрежно закончил он.
– Да-да, всё верно, – закивал «серый пиджак». Красиво нарисованные перспективы будущего и алкоголь сделали своё дело и развеяли остатки сомнения. Залпом осушив рюмку, он решительно поставил свою подпись на документе.
Всё это происходило в полной тишине. Лишь слышен был мерный стук часов у барной стойки. Проследив, как клиент поставил изящную мелкую закорючку в нужном месте, мужчина бросил быстрый взгляд на часы и заторопился.
– С вами приятно иметь дело, – на этих словах они пожали друг другу руки. Уже у двери, мужчина с перстнем окликнул своего собеседника:
– Последний вопрос, – как бы между прочим, сказал он. – Как вы предпочитаете умереть? Неизлечимая болезнь, автокатастрофа, заказное убийство?
На лице дельца выразилось удовольствие. Он ждал этого момента. Конечно, нельзя не согласиться, что сама по себе игра с жертвой очень увлекательна. Но, рано или поздно, клиент осознает целиком и полностью, на что он только что подписался. И чем неожиданней вопрос для последнего, тем больше эмоций можно наблюдать. Удивление, тупое непонимание вопроса, а после медленно, по секундам, плавное осознание только что прозвучавших слов. В течение нескольких секунд этот человек проживает то же, что и преступник на эшафоте, когда ему зачитывают приговор. Отрицание происходящего, жажда жизни и, наконец, смирение. И вот своим преступникам он даёт отсрочку приговора, проявляет милосердие. Жаль, что никто из них так и не

проявил благодарности. Однако, людям это свойственно, за столько столетий можно было и привыкнуть уже.
– Я бы выбрал наиболее безболезненный вариант, – выдавил из себя человек изменившимся голосом. Алкоголь испарился из крови. Казалось, что ещё немного, и он наделает кучу в штаны. Однако случилось сие или нет, дельцу уже не удалось увидеть. Клиент поспешно скрылся за дверью.
– До скорой встречи, – улыбнулся «продавец» после его ухода и потушил сигару.
– Никак не пойму, зачем ты всем задаешь в конце один и тот же вопрос, – послышался голос из угла комнаты. – Очевидно же, что не тебе решать и, тем более, не им выбирать.
–Ты видел его лицо? Ради этого стоило повозиться! – он помахал договором. – Видел бы ты этого гуся ещё пару дней назад: важный и уверенный, что всё в этом мире в его власти. Ещё год назад его заприметил, взглядом профессионала понял, что с этим можно славно поразвлекаться, – мужчина положил договор в пухленькую папку. – А насколько плодотворным выдался день у тебя?
– Пару десятков душ и ни одной истории, заслуживающей внимания: деньги, смерть врага, таланты и снова деньги... Люди стали жутко скучными, – он потянулся, зевнул, и стало слышно, как за его спиной зашуршали крылья. – Что-то жарко становится, – лениво протянул он и, взглянув на часы, аж подскочил на стуле. – Время! Да мы сгорим сейчас просто!
Они поспешно удалились из зала. Ангелы торопились настолько, что забыли даже погасить свет. А, между тем, солнце уж показало свои первые лучи из-за горизонта и раскалённым железом жгло их чёрные крылья. На своём пути они уже почти никого не встречали: мрачные тени, что выползают лишь во тьме, уже все попрятались в свои сырые и мерзкие подвалы.
Где-то на другом конце города зазвенел будильник, и пухленький повар свесил свои босые ноги с кровати. Зазвенел другой, и белокурая официантка Саша принялась будить недотёпу швейцара. Третий звенел очень долго, прежде чем его владелец неуклюже выключил его, и бедняга свалился с прикроватной тумбочки на валяющийся на полу серый пиджак, из которого выглядывал кусок мятой бумаги с изящной заковыристой подписью.

ДМИТРИЙ МУСИН

https://dimetros.livejournal.com/

Меня зовут Мусин Дмитрий, и я живу в однокомнатной квартире на Васильевском острове Санкт-Петербурга, недалеко от берега Финского залива. В свое время Петербург вдохновлял Пушкина, Достоевского, Хармса и Гребенщикова на создание красивых стихов и глубокой прозы. Пожалуй, в поисках этого вдохновения я и переехал сюда три года назад из славной Пензы. Пенза – уютный и красивый город, который я стараюсь навещать в каждый свой отпуск. В Пензе я закончил школу, отучился в институте и начал свою карьеру интернет–маркетолога. Да, я занимаюсь маркетингом и о профессии своей могу рассказывать долго, однако, рассказ этот будет скучным, поэтому лучше продолжу про молодость и детство. Мои самые ранние воспоминания связаны с городом Балаково, что стоит на Волге в Саратовской области. В Балакове родилась моя сестра Даша, в Балакове мы с ней прошли три детских сада, в Балаковое я учился с первого по девятый класс в средней школе № 20. Я уважаю Петербург, очень люблю Пензу, испытываю трепетные чувства к Балаково, но эти города формально не приходятся мне родными. В моем паспорте местом рождения указан город Казань, а свидетельство о рождении заполнено на двух языках - русском и татарском. Когда-нибудь я обязательно напишу роман, основанный на реальных историях моих поездок по стране, сейчас же для «Ветра Перемен» я подготовил два рассказа, персонажи и события которых вымышлены, а любое сходство с реальными людьми и историями случайно.

МЕДВЕЖЬЯ ЛАПА

Тихий и едва слышный полуденный дождик разогнался до грозы, отчего Медвежью лапу, неприметный даже в ясный день поселок, будто смыло с придорожного пейзажа. Проезжающие по автостраде фуры в такой ливень не успевали заметить этот населенный пункт: ведь дома вдоль дороги почти не стояли, а те, что глядели на обочину, прятали свои фасады за заросшими садами, больше походившими на дикие рощи. Река, текущая вдоль Медвежьей

лапы, звалась Спасительницей. Краеведы объясняли ее название преданием, что при Иване Грозном здесь останавливался княжеский полк, преследовавший татарский отряд. Измученные дорогой воины набрали воды из речки, после чего местные и стали так ее называть. Однако другие краеведы настаивали на иной версии происхождения названия, где вовсе не русскому полку придала сил речушка, а татарскому отряду, что преследовался им. Также, рассуждая о происхождении названия, нельзя забывать о существовании третьей версии, приверженцы которой утверждают, что река, будучи предметом неодушевленным, не могла иметь расовую предвзятость, напоив одних воинов и отказав другим, отчего, скорее всего, пополнили в ней свои запасы как русские, так и татары. Один только факт в предании не отрицался никем: испив воды и набравшись сил, затеяли воины здесь свое сражение и, знатно порубив друг друга, разошлись восвояси.

Как бы то ни было в средние века, сейчас воды Спасительницы омывали не руки солдат, а поселок Медвежья лапа, и в местах этих раскинулись они особо широко. Если заблудший сюда странник не видел истоков и устья, ему могло бы казаться, что речка по ширине своей соперница Волги и Невы. Однако, пройдя вдоль берега пару километров в любую сторону от поселка, странник видел, как эта широкая акватория превращалась в маленький ручей. Вид на Спасительницу был особо широк и прекрасен во дворе старенького дома Кира Платоновича Вяземского, поскольку этот приусадебный участок был естественно ограничен берегом реки. Здесь был маленький причал с привязанной к нему двухместной лодкой, на веревках мокли не снятые перед дождем рыболовные сети, в маленьком сарайчике прятались снасти и инструменты. Остальную дворовую площадь, казалось, полностью заполнял собой красный внедорожник, переживший недавно сильную аварию. Покрышки автомобиля были пробиты, а левая фара и бампер под ней смяты, как пивная банка, совершенно утеряв сходство с правыми близнецами.

Кир Платонович смотрел сквозь мокрое со стороны улицы и запотевшее из дома окно на эти вмятины. Как неудобно, что в такой дождь авария вышла: теперь же коррозия по кузову пойдет, и хрен кто потом отремонтирует.

Седой и бородатый пенсионер Кир Платоновоич нашел покой после сумасшедшего забега юности и зрелости в глухом поселке Медвежья лапа. Жил он отшельником и с соседями, ближайшие из которых обитали на другом берегу Спасительницы, совсем не общался.

Его маленький домик был спланирован просто: комната с видом на разбитый автомобиль служила спальней и кабинетом, за тонкой перегородкой от нее была прихожая, совмещенная с кухней и каминной. Других жилых помещений в доме не было.

На рабочем столе пенсионера демонстрировал страницу браузера открытый Макбук, рядом с которым лежали аккуратно выровненные разноцветные папки с бумажной начинкой. По краям стола стояли два деревянных корпуса колонок, провод которых змейкой приводил взгляд к маленькому Айподу, лежавшему рядом. Взяв плеер в руки Кир Платонович двумя плавными движениями запустил альбом австралийского музыканта Ника Кейва, который

назывался “The Boatman's Call”. Под фортепианное вступление первой композиции хозяин дома вышел в кухню-каминную, где, подняв с плиты чайник, подошел к своему сегодняшнему гостю, чьи руки были связанны позади столба, к которому он был прижат спиной, сидя на полу.
Этот гость был мужчиной лет тридцати с давно не бритым и запачканным кровью лицом. Красные пятна залили не только лоб и щеки, они виднелись на сером свитере мужчины и на его голубых джинсах. Если бы у сцены этой были зрители, пожалуй, никто бы из них не подумал, что гость к Киру Платоновичу зашел по своему желанию.
Пенсионер направил носик чайника на пораненную макушку мужчины, оросив его тонкой струйкой холодной воды. Сохранявший до контакта с жидкостью неподвижность молодой человек стал медленно кивать головой, направив мутный взгляд на заляпанный кровью пол перед собой.
– Ну, здравствуйте, Сергей Алексеевич! Жаль, что при таких обстоятельствах, но все же приятно стать с Вами знакомым! – Кир Платнович вынул из кармана водительские права молодого человека. – Не торопитесь шевелиться! У Вас же сильно голова побита! Травма там! Уж простите меня за нее! Силы что-то рассчитать не вышло... Да и за все остальное простите!
Связанный молодой человек попытался поднять голову к источнику слышимого голоса, но от резкого движения она закружилась, и Сергея Алексеевича стошнило на серый свитер и голубые джинсы.
– Серегееееееей Алексеевич! Ну, не делайте Вы резких движений! Ну, для кого же я говорю! Вонять же теперь будет! Сидите уж спокойно! Я Вам водички дам попить! – Кир Платонович подошел к серванту с посудой, откуда достал тонкий стеклянный стакан с гравировкой. – В жизни теперь этот запах не смою, – проворчал он шепотом, наполняя стакан водой из чайника.
Вернув чайник на исходное место, Кир Платовович не торопился поить своего гостя. Он медленно обвел комнату взглядом, остановив его на окошке, что рядом с камином.
– Проветрим-ка комнату с Вами, чтобы рвотой этой не дышать! – старик подошел к окну и, повернув ручку, опустил створку в положение проветривания, отчего шум дождя снаружи усилился, гармонично слившись с затянувшим вторую композицию Ником Кейвом. Кир Платонович подошел к своему гостю и, нагнувшись, приложил стакан к его губам, – А теперь, давайте пейте! Полегче будет! Ну, пейте, пейте! Истинно говорю, поможет!
Сергей Александроович взглянул исподлобья на Кира Патоновича. Его дыхание заметно участилось, казалось, он сам еще не понял своих эмоций: то ли это страх, то ли гнев, то ли недоумение, а то и вкупе все перечисленное! Остановив свой взгляд на хозяине дома, Сергей Алексеевич все ж послушался совета, принявшись страстно глотать воду.
– Ну, вот и славно! – отнимая пустой стакан от губ гостя произнес хозяин, – Вы можете мне верить! Большего вреда, чем ушиб головы, я Вам уже не причиню. Даю слово офицера! Воды еще хотите? – Кир Платонович сделал паузу, – Ну, что будто язык проглотили? Я же вижу, Вы в сознании, обезвоживанием больше не страдаете, значит, говорить должны в состоянии.

Так будете еще пить?
– Н... Нет. Нет, не буду, – тихим голосом выдавил из себя Сергей Алексеевич.
– Воля Ваша! Итак, давайте с Вами знакомиться! Я Кир Платонович Вяземский, подполковник ФСБ, ныне в отставке, считайте, что пенсионер. Как Вас зовут, я знаю, – можете не утруждаться! Скажите лучше, догадываетесь ли, почему здесь оказались?
Сергей Алексеевич снова поднял растерянный взгляд на хозяина дома и, отрицательно покрутив головой, опустил ее вниз.
– Так я и предполагал! Не повезло Вам просто, Сергей Алесеевич! Вот не Ваш нынче день, и все тут! Большое ведомство сегодня обосралось, сиииильно так обосралось, да дедушкой в отставке дерьмо свое приправить решило! Вот жопу теперь бывшему начальству подтирать буду. А Вам, любезнейший, в постановке этой роль бумажки досталась. Ох, жаль мне Вас! Ох, как жаль! Вы уж простите меня, если сможете!
– Них... Нихера не понял, – голос Сергея Алексеевича с момента последней реплики будто стал еще тише. Прежде чем договорить, он сплюнул скопившуюся во рту слюну на уже совершенно не серый свитер и не голубые джинсы, – за… зачем Вы меня избили?
– Вот плеваться здесь не нужно, Сергей Алексеевич, все-таки это мой дом, а не двор, где скотинку держат. Но вопрос Вы задали чертовски хороший! Ответить на него мне придется словами фашистских офицеров на Нюрнбергском процессе. Ох, не люблю я так делать, честное слово, терпеть не могу! – Кир Платонович снова сделал паузу. – Приказ я выполнял! Глупый приказ обдристанных генералов херова ФСБ! Шпиона, блин, они ловили! Представляете? В ведомстве десять тысяч действующих офицеров, а перехват приказали делать отставному! Вот как это называть? Есть мозг у этих людей? Правильно! Нету! Звонят, значит, надо им! Вынь да положь! Мол, парень на красной тачке через Медвежью лапу проезжать будет с тринадцати до пятнадцати после полудня! Перехвати, Кир Платонович, перехвати, иначе под трибунал пойдешь! Я перехватил, дело не хитрое, мать его! Когда служил, и не такое творить приходилось! Но звонят мудозвоны тут же: шпион в объезд пошел! Отбой, Кир Платоныч, отбой! Вот честно! Вот поверьте на слово, Сергей Алексеевич! Было бы не по телефону дело, в рожу бы кулаком ударил! Я вообще-то человек сдержанный, средь чекистов в мои времена других не держали! Но честное слово, ударил бы в рожу после слов таких!
– Так… Так чего Вы меня к трубе привязали? Я что ль виноват, что ФСБ у нас косячит?
– Смотрю, получше Вам становится. Голос увереннее, да язвинка в словах проскальзывает. Только слушали Вы меня, видать, невнимательно! Говорю же не повезло Вам сегодня. Жуть, как не повезло! Операции в нашем ведомстве, сами знаете, секретные, а провальные приказы верхушки секретнее втройне! Так что не в праве я Вас отпускать, голубчик. Простите уж меня, но попались Вы теперь чекистам, а это, как чистая любовь, быстро не проходит.
– Убьете меня? Да? – голос Сергея Алексеевича чуть дрогнул.
– И опять невнимательно слушали! Я же Вам слово офицера давал, что

больше трогать не стану! Я, Сергей Алексеевич, подполковник честный, не то что эти мудилы с верхушки! Я понимаю, что операция эта и мое фиаско тоже! Ваше же убийство с моей стороны стало бы отказом от этой ответственности. Нет, Сергей Алексеевич, жизнь я Вам сохраню в любом случае, хоть и прямого распоряжения на этот счет не получал. Но Вам, как жертве этой идиотской истории, придется сесть в колонию лет на 20-15. А там уж, глядишь, и начальство сменится, и власть в стране другая будет, я помру, а с дела этого гриф секретности, наверно, снимут.
– Вы смеетесь, да? Просто так вот возьмете и запрете меня к уголовникам? Просто за то, что я через деревню Вашу проехал, за решетку упечете?
– Здорово, что Вы сами вопросы такие задаете. Я ведь только хотел Вас к этому подвести! Просто так сажать человека мне честь офицерская тоже не позволит. И в чувство я привел Вас не только оправданий ради. Ведь безгрешных на земле людей, сами знаете, не так много было. И коли являлись бы Вы одним из них, то в Вашу честь бы храмы строили да книги миллиардными тиражами печатали! Но, поскольку имя Ваше мне из прав водительских, а не с иконы известно стало, думаю, грешков за Вами водится не мало! Так что давайте-ка задачу друг другу упростим. Вы расскажите мне сами, что за нарушения от властей по жизни скрыли, а я придумаю, как в протоколе это сформулировать!
– Вы соображаете что говорите? Вы меня в тюрьму посадите, и мне самому придумать за что?
– Ну, если утрировать, то можно и так сказать!
– Пос...послушайте, давайте остановим этот сумасшедший дом! Вам же нет с этого никакой выгоды! Вы, наверное, просто денег от меня хотите? Так Вы скажите мне сколько, и я найду! Вы убедили меня, честно: да, подполковник, да, ФСБ, я все верю, вопросов нет! Дайте телефон, я позвоню маме, друзьям, они соберут и привезут Вам, сколько попросите!
– Молодой человек! Ай-яй-яй... Ну, как Вам не стыдно, Российскому офицеру, да взятки какие-то предлагать! Ну, Вы вот сами посудите, живу я здесь, в деревне, где ларьков даже нет! Ну, сколько Вы сможете дать? Сто? Пятьсот? Миллион? И куда я их дену? Еще один айпад мне не нужен, без машины лет пять уж обхожусь! Изба моя пока стоит! Полы с фундаментом, конечно, укрепить бы надо, – Кир Платонович провел взглядом по доскам на полу, – но это я и сам в состоянии сделать! Без Ваших грошей! Так что давайте, выкладывайте, в чем виноваты в жизни бывали!
– Ну, чего Вы от меня хотите? Ну, остановитесь! Давайте договоримся! Говорю же, верю Вам, Вы офицер ФСБ, все правильно, все так! Чего Вы от меня хотите? Больше денег? Найду я! Постараюсь найти!
– Вы, наверное, думаете, что это розыгрыш такой, да? Что я этакий мошенник, вымогатель! Так тем более Вам должно быть проще мне о грешках своих поведать! Просто расскажите и увидите, что станет потом. О деньгах я вдруг заговорю или протокол составлять сяду.
– Ну, какие грешки? Долг не отдал кому-то? Девушке изменил? На служебной машине по личным делам ездил? Да кто не делал-то такого?

– А Вы не торопитесь, спешить нам некуда. Посидите, подумайте. Как надумаете – зовите! Я пока в соседней комнате буду.
Кир Платонович повернулся спиной к гостю и медленно пошел в спальню, где сел за Макбук. Шум дождя норовил перебить мелодичный голос Ника Кейва с каждым сильным порывом ветра. Видимо, прекращать полив Медвежьей лапы в его планы сегодня не входило. Из открытого окна шел приятный поток влажного воздуха, который брызгал мелкими каплями в привязанного к столбу Сергея Алексеевича. Кир Платонович же в этой гармоничной обстановке внимательно глядел в монитор, что рассказывал ему о свежих новостях внешней политики России.
– Придумал! Вспомнил! Идите сюда! – громким голосом Сергей Алексеевич привлек внимание хозяина дома, когда “The Boatman's Call” Ника Кейва доиграл последний трек.
– Ну, знал же я, что небезгрешного агнца в свой дом привел! – с улыбкой, поднявшись со стула, Кир Платонович подошел к Сергею Алексеевичу. – Ну, выкладывай давай!
– Лет пять тому назад было дело одно...
“ТРРРРРРРРРААААХХ!!!” – резко затрещав, деревянная входная дверь разлетелась в щепки от напора потока воды с улицы. Кир Платонович не заметил, как во время их беседы с гостем Спасительница, выйдя из берегов, затопила его двор. Из-за Ника Кейва он не слышал ее журчаний, а из-за увлеченного чтения новостей не заметил натекающей из-под дверной щели лужицы.
Спасительница, ворвавшись в дом к собеседникам, смывала мебель, стулья и прочие предметы быта. Не пощадила она и Кира Платоновича, который готов был в жизни ко всему, кроме этого. Старый офицер, не выдержав потока, упал спиной в воду, но шока падение у старика не вызвало. Он поспешил встать на ноги, когда почувствовал, что дом начал сильно трястись. Стены, затеяв ритмичный танец, стряхнули с себя декор и полки, пустив толстую трещину по потолку. Дом заметно стал крениться. Опора, что держала Сергея Алексеевича, задрожав, начала медленные движения в разные стороны. Ей хватило нескольких секунд, чтобы сбросить все свои крепления и упасть на неуспевшего поняться Кира Платоновича. Падая, она потянула за собой потолок и крышу.
Обломки дома и сарая со всей садовой утварью быстро разнеслись течением по Медвежьей лапе и окрестностям. Повезло, пожалуй, только красному внедорожнику, что застрял в густом кустарнике соседнего двора и дальше уплыть не смог.
С трудом сопротивляясь грязному потоку, по пояс в воде и связанными за спиной руками, Сергей Алексеевич пробирался к своей машине. Подойдя к капоту, он, словно ужик, забрался на красную крышу, где с облегчением лег, подставив лицо под сумасшедший ливень с неба. Он перекинул связанные руки из-за спины так, чтобы их можно было положить на живот. Потратив немного времени на отдых, он спрыгнул вниз, где едва устоял на ногах от быстрого течения вышедшей из берегов речки. Сергей Александрович открыл

незапертую дверь автомобиля и заглянул в залитый салон. Нажатием кнопки он вскрыл бардачок на передней панели, где немного порывшись, нащупал пластмассовый корпус минирации вместе с антенной для нее. Соединив эти приспособления, он приложил прибор ко рту и нажал на клавишу сбоку.
– Пересек Медвежью лапу. Столкнулся с помехой. Ликвидировал. Продолжаю движение. Конец связи.

Иллюстрация Бориса Иоффе

ЭКСПЕРИМЕНТ

Иной раз такая чертовщина среди деревьев прячется! Бывает, гуляешь ночью в парке, и каждая дрогнувшая ветка своей вибрацией мурашек по спине гонять начинает, особенно если фонари побиты, а людей вокруг нет. Хотя – ну, ее, эту ночь! Ночью и в городе страшно. Бывает, что и в комнате со включенным светом жуть привидится – дело-то известное. Интересно рассказать о другом! Мнительные люди, когда свет по утрам загорается, думают, что опасность их миновала, и нет больше страха, и можно ходить по светлым паркам и аллеям, ничего не боясь. Но все же приглядитесь к этим кустикам, посмотрите на деревья, что кронами своими небеса и солнце скрывают. Миновала ли вас опасность, что ночью отсюда гнала, или просто спряталась подальше? Так ли беззаботен ваш дневной променад? Стоит ли, право, шагать здесь прогулочным шагом? Может быть нужно бежать? Бежать!
– Бежать! Приятно, да? Правда ведь? Мышцы как с утра потягиваются! Обожаю это чувство! Я Вас, кстати, вчера видел на пробежке. Спортсменка? Или просто любите размяться?
Молодой парень в спортивном костюме бывал в этом парке почти ежедневно. Он ставил будильник на раннее утро, стараясь, уподобившись архитипичному успешному человеку, сделать все личные дела до начала рабочего дня. Его утренний to do-лист мог повергнуть в шок даже модератора сообщества “Дыши успехом, парень!”:

1.Гимнастика.
2.Водные процедуры.
3.Лента соцсетей.
4.Кофе.
5.Пробежка (возможно, тренажерный зал).
6.Знакомство с красивой женщиной.
7.Возможно, секс.
8.Возможно,снова водные процедуры.
9.Завтрак.
10.Чтение.(возможно, беседа с партнершей).
11.Путь на работу.

Однако, молодому человеку редко удавалось соблюсти полностью все запланированные пункты. Хотя сегодняшнее утро определенно обещало стать удачным, во всяком случае, перепрыгнув через пункт один, молодому человеку уже удалось реализовать пункт шесть. “Дойду до седьмого! Сегодня точно дойду до седьмого!” – думал он про себя.
– Девушка! Ну, что же Вы молчите! Я тут! Мы бежим по одной аллее – и уже не первый день!
– Уфф! Я тоже тебя вчера здесь видела. Но, прости за прямоту, предпочитаю бегать одна и молча. Тебе тоже советую! Протянешь дольше и не сдохнешь на следующем повороте!

– Смотрю, Вы.. ты профессионал.. ка! Что ж, просьба дамы – для меня закон! Давай бежать молча!
Молодой человек, и правда, замолчал, дав своей спутнице возможность насладиться тишиной. Однако, отставать при этом он не торопился, стараясь держать дистанцию от объекта своих желаний не длиннее вытянутой руки, пока через сто метров на его пути не повстречалась ветка дерева, очень неудачно зацепившая собой ступню бегуна.
Парень с грохотом упал на беговую дорожку. Хотя, сказать по правде, упасть он собирался гораздо раньше, вот только ветка на его глаза попалась лишь через сто метров после просьбы девушки не докучать ее разговором.
Если вам показалось, что задачи поставленные молодым человеком наутро были скорее баловством, то сам парень к каждому пункту относился с максимальной серьезностью. Разумеется, особое внимание он отводил гипотетической возможности знакомства с девушкой на пробежке или в тренажерном зале. Он заранее подготовил множество сценариев развития событий и произошедшая ранее сцена не была для него сюрпризом. Если девушка отказывает сразу, не нужно спешить сдаваться. Сказать "нет" – это нормальная реакция на внимание незнакомого парня. Ей просто нужно время подумать над своим решением. Она может выдохнуть, присмотреться и оценить ситуацию с другой стороны. А если она передумает, от парня потребуется лишь невинный повод обратится к ней повторно!
Услышав шум падения за спиной, девушка обернулась, а, заметив схватившего больное колено парня, остановила свой бег.
– Ты что?
– Да,вон ветка. Споткнулся,блин!
– Больно? Не поцарапался?
– Да, вроде, нет! Без крови.
– Ну, давай, вставай тогда. Идти сможешь?
- Поможешь?
– Да, давай!
Дальше молодые люди уже двигались в противоположном своей пробежке направлении, перейдя на пеший шаг. Проникнувшись сочувствием к парню, девушка стала гораздо коммуникабельней. Она назвала свое имя, рассказала, где работает и даже улыбнулась на нелепую шутку спутника.
–Так про дыхалку грамотно сказала!Давно в спорте?
– Давно! Со школы занимаюсь.
– Ничего себе! А я сразу заметил, что профессионала встретил! Чем занимаешься?
– Да, так.. Сейчас почти ничем. Работаю! Времени нет ни на что! Это раньше и в волейбол, и в теннис, и на гимнастику бегала. Даже на соревнования от института ездила. О! У меня же фотографии в ВК остались! Сейчас покажу!
Вынув из кармана телефон, девушка предъявила доказательства своих спортивных достижений.
– А ты неплохо держишь форму! Говоришь, времени нет на спорт, а выглядишь не хуже, чем как когда медали получала!

– Да, фигня! Бегаю просто иногда и на йогу раз в неделю хожу. Сама чувствую, что не то уже. Да и не расстраиваюсь! Карьеру сейчас нужно делать, семью заводить! А все остальное так.. Чтобы жиром не заплыть к тридцати!
– Семью, значит, хочешь? А есть с кем!
– Нет, пока нет, но ты сильно не обнадеживайся! Мне ж семья нужна, а не пробежались-разбежались!
– А я что на семьянина не похож? Да у меня родители 30 лет душа в душу живут. Да я им памятник однажды поставлю! Вообще молодцы! Столько пережили, столько проблем, столько возни, а до сих пор каждый выходной гуляют, за ручки держатся. Да они мне на всю жизнь примером стали, я также прожить хочу.
– Ну, проживешь, раз хочешь! Вообще это круто, что ты говоришь. Мои вот развелись, когда я девочкой была. До сих пор с одной мамой живу.
–Сочувствую.
– Все в порядке! Мама – мировая женщина. По институту для меня подсуетилась и поддержала нехило, пока я без работы сидела. Все, как надо, сделала. А отца я с детства так и не видела ни разу, и не жалею вовсе.
– Вон как! А где училась? На кого?
–Мама–бухгалтер..
–Да, не мама! Ты где училась?
–Я? Я учитель истории по образованию.
– История? Я тоже люблю историю. Я вообще и читаю много, и за новостями слежу.
– И историю, значит, любишь? Ну, держи тогда дежурный вопрос – чем прославился король Артур?
– Ну.. Это очень хороший вопрос! Он же за круглым столом там у рыцарей главным был! И с Мерлином дружил.
– Ха-ха! Историк, блин! Я тоже этот мультик смотрела в детстве! Мерлин там клевый был, магией по врагам стрелял! Только вот в реальности не было его! Ни короля Артура, ни Мерлина, ни магии!
– Хм. Ну, может быть. Соглашусь, особенно про магию! У меня вот одна знакомая есть, она к экстрасенсу ходит каждый месяц. Я ей твержу, что она дура, но она не слушается и продолжает ходить.
– Ну, дура же, вот и не слушается. Бред это все. Магия, суперспособности, призраки, монстры всякие – бред!
–Подпишусь под каждым словом!
Конечно, насчет монстров девушка была права. Да и с мнением о магии и способностях паранормальных, по большому счету, спорить сложно. Но вот существование призраков – вопрос дискуссионный!
Если бы милая беседа так серьезно не заняла молодых людей, они бы заметили, как из-за кустарника, что обрамлял беговую дорожку, тоже слышались тихие голоса, странные, не похожие ни на животные, ни на людские. Голоса едва различимые, голоса трескучие, голоса больше всего напоминавшие стук клавиш старых ноутбуков. Бред, вы считаете, эти призраки? Так кто же там тогда разговаривает? Так кто же тогда за вами из кустов наблюдает? Так кому же еще так важен разговор, слова которого забудутся и самим участниками через пару

недель?
Люди проживают долгую или короткую жизнь, появляясь из утробы матери с первого момента заполняют свой мозг информацией о среде обитания. Тронуть лампочку – горячо, скушать говяжий стейк – сытно, пойти на балет – скучно, ctrl+c – скопировать. Именно такие кусочки информации отличают нас друг от друга, и у каждого человека пазл знаний собран по-своему. У одних в цепочках истины не хватает пары центральных кусков, у других – одного крайнего, у третьих есть все куски, но вставлены они другими концами и в другие места. Так что же мы в итоге есть на смертных одрах? Почему по одним уходящим мы плачем, а по другим нет? Да, потому что тело каждого умирает одинаково, а вот пазл знаний у всех уникален. Стремясь замкнуться, зациклиться, обеспечить своему носителю выигрышные положения, знания начинают расти и цеплять к себе другие маленькие куски. А когда человек умирает, эта мозаика часто остается недоделанной.
Однако, вселенная не терпит незакрытых дел, и всякий замысел ей зачем-то нужен, поэтому она дает время мозаикам нашим найти недостающие части, чтобы слиться с ней не уродами неказистыми, а круглыми и полными красавцами.
Такие бестелые пазлы знаний люди привыкли называть духами или призраками. Медиумы любят с ними общаться, ведь у старых призраков порой водится такая информация, какую даже в Гугле не найдешь! Ученые же предпочитают их существование отрицать, ведь это гордые люди, им куда важнее собирать знания без чужой помощи, им нужно глазами все увидеть, испытать личную радость открытия и предстать пред вселенной цельным и круглым сразу после смерти. Но как быть призракам, которые учеными не были? Как заполнить все пробелы, что при жизни не заполнялись? Ответ на эти вопросы открывает нам дверь в таинственный, скрытый от глаз, призрачный быт, больше походящий на мир диких животных. Призракам, знания которых полнее и разнообразнее ничего не стоит взять и поглотить тех, кто мельче и скуднее, но частиц которых первому не хватает. В других случаях бывает иначе: некоторым призракам часть знаний помехой служит для округлости. Скажем, жил человек обычным семьянином и о всех семейных делах был в курсе: и как жене правильно шубу подать, и как сыну с домашней работой по русскому помочь, и как часто любимый фикус в другой горшок пересаживать, но перед смертью начал зачем-то сериал детективный смотреть : посмотрел полсезона и умер. Часть знаний его, что сериала касалась, осталась не полной, зато все остальное почти без пробелов. Что же делать его духу? Выход прост – отдать эти знания кому-то другому и без торчащих кусков со вселенной слиться!
Многие из вас, наверное, слышали истории, где призраки обычным смертным в жизнь вторгались. Казалось бы, зачем им это делать? Знаний-то в призрачных мирах водится – ешь хоть до пуза. Однако, у многих духов пробелы довольно специфичные. Одним не хватает знаний быта людей, которых на свете единицы, другим нужны тайны и секреты давно ушедших и навсегда растворившихся во вселенной душ. Такие знания найти сложно, а вечно скитаться по миру призракам не пристало, поэтому последним и самым сложным средством, что

может им помочь, остается контакт с ныне живущими людьми. В этих случаях знания умерших могут являться в виде образов, звуков и даже мыслей живому человеку, раз и навсегда меняя его жизнь. Вступив в контакт, призраки долго наблюдают за последствиями своих действий, пока мучающий их пробел не заделывается полностью.

Однако закончим говорить о бытности призрачного мира и вернемся на утреннюю аллею, где совсем недавно пробежка молодых людей так внезапно перевоплотилась в прогулку с непринужденной беседой. Напомню, что сцена эта закончилась упоминанием двух странных голосов, едва слышно из кустов доносившихся. И сейчас, полагаю, всем стало понятно, что голоса эти были призрачными.

Забыл отметить: духи говорят на очень сложном языке! Даже если суметь перевести его на любой земной, конструкции фраз, предложений и абзацев будут настолько непривычными, что один поиск их смысла сможет убить в десять раз больше времени, чем перевод.

Тем не менее, диалог призраков в кустах был весьма любопытным, поэтому ниже я приведу его художественную адаптацию, максимально приближенную к человеческому языку:

– Привет, старик! Ты че тут делаешь? Заначку что ль заныкал?

–Херачку! Сам-то что тут потерял?!

– Да, напугал недавно одного пердуна, слежу теперь за ним.

–Хердуна! Делать тебе нехер что ли?

– Не, ну, а че? Припугну еще пару раз – он коньки откинет, а мне с него выгода! Инфа у него есть нужная. Понимаешь? Тыщу лет откопать такую не мог! А у этого доходяги завалялась!

- Ясно! Ветеранам жизнь портить – не по понятиям. Если грешить, то с недоносками надо!

–А есть наметки?

–Я эксперимент на днях закончил!

– Прикольно! Колись!

– Да че колись? Все по классике. Жил молокосос с убеждениями. Все при нем в лучшем виде: я, типа, личность! Жизнь повидал! Щас учить всех начну! То, се! А ему из шкафа как-то ручкой помахал!

– О! О! Старик! Мне тоже эта инфа очуметь как нужна! Дыра в этом месте заколебала, чем заполнить – хз.

– Эх, ты, красавец! Заколебала его! А меня, думаешь, не заколебала, что я на контакт с таким уродом пошел?

– Слышь, давай так! Я тебе старика своего отдам! Полностью отдам! Он дохера пожил! Инфы - тьма! И вся твоя, прикинь!

–Херню несешь! Говорю же, стариков трогать – последнее дело!

–Да, я сам все сделаю! Там от тебя только – поймать и скушать.

–Инфа о парне, значит, на жизнь старичка?

– Ну, че - по рукам?

– Да, хер с тобой! Давай!

–Блин, обалдеть! Не думал, что сегодня фортанет так!

–Хертанет!
Более духи не произнесли ни слова, переключившись на сложный процесс передачи части тела одного из них другому. В контексте этого события, часть тела призрака представляла собой небольшую, но занятную историю, произошедшую со спесивым юным мужчиной. Давайте с ней ознакомимся: Одним весенним утром студент и студентка политехнического университета случайно повстречались на внеурочном занятии физкультурой в гимнастическом зале института. Оба были молоды, оба были красивы, оба были свободны, как волейбольный мяч, улетевший с площадки. Через пару лет они выпустились из ВУЗа молодой семейной парой, которая ждала появления на свет красивого малыша. Когда ребенок родился, его назвали Игорем.
Молодые люди часто ссорились, порывались уйти друг от друга, били посуду, ломали мебель, но не прекращали мечтать, что у Игоря жизнь сложится лучше, чем у кого-то в этой стране. Игорь закончил школу, отучился в институте и вышел в свет уверенным и целеустремленным человеком. Мир был для него просмотренным фильмом, в котором он всегда знал, как поступить лучше и убедить в собственной правоте любого самодура, чья точка зрения хотя бы сколько-то была отличной.
Бога нет! В здоровом теле – здоровый дух! И, конечно же, главное в жизни – семья!
Каждому человеку к двадцати семи годам приходит как минимум одна переоценка ценностей, у Игоря же жизнь была стабильна. Столп привитых ему в детстве убеждений со временем ни разу не дрогнул, хотя, сказать по правде, раскачать его всерьез никто и не пытался. Но вселенная не верит ни в какую твердость, пока не испытает ее на прочность, поэтому убеждения Игоря ждала серьезная проверка.
Однажды утром, открыв шкаф для рубашек, чтобы собраться на работу, Игорю показалось, что в углу сидит странный силуэт. Игорь даже не обратил на него внимания сначала. Мало ли что слипшимся глазам привидится. Лучше сконцентрироваться на выборе наряда. Но, повторно опустив взгляд, он заметил, как силуэт стал намного четче. В шкафу кто-то сидел! Кто-то серый, будто сотканный из старой паутины. Кто-то жуткий и древний, совершенно не сочетавщийся с новыми рубашками, висевшими рядом. Игоря парализовало. Температура его крови будто снизилась до минусовой. Он точно знал, что ничего подобного в своем шкафу не прятал, а взяться откуда-то еще эта сущность не могла. Лицо страшной фигуры скрывала белая маска, и маска эта была не из пластика и не из картона. Игорь видел, как из статичной безэмоциональной мины маска, уставившись на него, расплылась в улыбке страшного злодея из дешевых фантастических фильмов. Игорь медленно попятился назад, будто боясь разбудить спящего рядом хищника. Но отступать далеко он не мог: за спиной – стена. Нужно что-то делать! Этого существа здесь быть не должно! Это ненормально! Рывком бросившись к шкафу, Игорь громко хлопнул дверью и убежал из комнаты.
Жизнь больше не была прежней. Произошедшие случилось серьезно и по-настоящему! Полиция проверила дом, но следов проникновения и пребывания

посторонних людей в шкафу не обнаружила. Большинство друзей и родных сочувственно вздыхало, но не верило этой истории. Лишь одна знакомая, которой раньше Игорь сторонился, предложила помощь специалиста по экстрасенсорике.
Неделей ранее своего первого похода к экстрасенсу Игорь говорил друзьям, что знакомая эта чокнутая, и, благодаря ей, некий хитрый клоун с бубном себе на дом смог заработать. Но после призрака в шкафу взгляды Игоря менялись, как диагноз врача, столкнувшегося с невиданной болезнью. Чтобы понять, во что верить дальше и как строить свою жить, он хотел услышать мнение человека, который подобные вопросы решает каждый свой рабочий день.
Прием экстрасенса был длинным, скучным и очень дорогим. Решений вопроса Игоря, как выяснилось, было много. Печати, обереги, молитвы и заклинания отдельно работают плохо, поэтому опытный маг советовал заказать все сразу. Однако Игорю оформить такой заказ не позволил бюджет, и несчастному пришлось ограничиться лишь личным оберегом и парой свитков с магическими символами, которых призраки боятся.
После этой встречи Игорь несколько недель ходил с китайским коловратом на груди, а тайные свитки заняли место в шкафу, на месте появления призрака. Парню, правда, стало легче.
С оберегами призрак больше не беспокоит, значит , они работают, значит, я все правильно сделал. Есть мир наш, а есть мир духов, иногда они пересекаются, но средства против таких встреч спасали людей еще в древние времена, а сейчас они помогают мне. В конце концов, существование чего-то кроме нашей реальности я никогда не отрицал, теперь же просто убедился в этом лично. Но жизнь моя не закончилоась, нужно продолжать ходить на работу, нужно продолжать заниматься спортом, нужно саморазвитие! Я же молод, у меня же впереди еще столько интересного!
Но светлая полоса жизни Игоря продолжалась не очень долго. Его вторая встреча с призраком случилась в кабинке мужского туалета посреди самого обычного рабочего дня. Знакомая фигура, знакомая маска, знакомый испуг и совершенно незнакомое разочарование в куске китайского алюминия, что висел на шее. С большим трудом Игорь смог сдержаться от демонстрации животной паники своим коллегам, но работать дальше уже было невозможно. Наспех сочинив начальству про болезнь сердца, он сбежал на улицу, торопясь преодолеть как можно большее расстояние от кабинок туалета бизнес-центра. Но даже на людном проспекте Игорь все еще испытывал дикий ужас. Его руки тряслись, а мысли скакали в черепе, словно саранча. Отчаянно тратя силы на попытки успокоиться Игорь продолжал трястись, как мембрана барабана во время марша. Никакой аутотренинг не в силах был ему помочь, когда, неожиданно для себя, парень вспомнил одно старое средство глушения сильных эмоций.
Недалеко от офиса стояло кафе, в котором компания Игоря полгода назад отмечала Новый год. Цены тамошнего меню были низкие, а выбор алкоголя вполне приличный. В этом месте с детства ведущий здоровый образ жизни Игорь впервые серьезно напился водки. Страх снова встретить призрака у пьяного парня, действительно, куда-то исчез, оставив на своем месте лишь желание

хорошенько ему навалять. С того дня Игорь старался пить, как можно чаще. Трезвым быть жутко, трезвым быть плохо. Страшно остаться одному, страшно зайти в туалет, постоянные мысли о том, где еще призрак может застать меня врасплох. Но другое дело – после трехсот граммов коньяка. Страх уходит! Он, правда, притуплялся! И я снова могу наслаждаться жизнью.
Близкие люди всерьез волновались за Игоря. Его новое амплуа было, мягко говоря, непривычным для всех: странные разговоры о духах, странные фобии, странное поведение и литры алкоголя почти ежедневно. Игорь перестал быть похожим на того уверенного в себе спортивного юношу, что радовал глаза окружающим всего пару месяцев назад. Будто кто-то другой приклеил Игорево лицо и стал жить его жизнью, не сильно стараясь подражать повадкам оригинала.
Проблемы с пониманием начались и на работе: ведь пунктуальный ранее сотрудник теперь начал часто опаздывать и приходить в офис похмельным. Начальство больше не видело в нем энтузиазма и желания работать, поэтому директор начал поговаривать, как легко команда сможет найти ему замену.
Однако коллеги, родственники, друзья и родители не планировали бросать в беде несчастного. Все они хотели чем-то Игорю помочь, но никто не знал, что делать.
Свою третью встречу с призраком Игорь помнил очень смутно. Произошла она в пустом баре, то ли за стойкой, то ли за столиком в темном углу. Сказать по правде, Игорь даже не был уверен в реальности этой встречи. Возможно, в тот вечер тревожил его совсем не призрак, а собственное пьяное выражение, но только тогда ему стало окончательно ясно, что от встреч таких не спрятаться в хмельном забвении. Игорю нужно быстро искать выход. В конце концов, не просто же так этот дух тревожит его, а не кого-то еще. Возможно, юноша без малого тридцать лет шел по жизни не той дорогой, и это последний его шанс измениться самому и изменить мир вокруг себя! А может быть, и напротив менять ничего не нужно, а призрак этот – лишь индикация правильного отношения к жизни!
Родители, друзья – никто подобного отроду не видел, никто из них понятия не имеет, каково мне сейчас и что мною движет! Я особенный! Я уникальный! Моя ли это обуза, мое ли благословение – неважно. Главное, это мое и больше ничье!
Вдохновленный этими идеями, Игорь решил порвать все тросы, что связывали его с любимой семьей и друзьями. Отчасти эти соображения были гуманными: зачем втягивать посторонних в то, чего они понять не могут? Но в глубине души Игорь был доволен своим особым статусом. Он окуривал свой мозг благовонными мыслями, что встречи с духом – это особая привилегия, оказанная ему, а не кому-то еще. Поэтому свой путь он готовился пройти один и не с кем больше статус избранного не делить. Он часто мечтал о своей следующей ауедиенции с призраком, он был уверен, что больше не оцепенеет от страха, а, вступив в контакт, сможет понять, за какие заслуги он это получил и что ему дальше с этим делать.
Но в четвертый раз на связь призрак выходить не торопился, поэтому Игорь решил искать ответы в историях других людей.
В интернете полно форумов и чатов, где люди писали о своем эзотерическом опыте. Игорь читал их истории и вдохновенно делился своими на всех

площадках, где содержание чуть меньше напоминало вольный пересказ известных фильмов ужасов, чем на других. Игорю сочувствовали и давали множество советов, однако все комментарии были слишком похожи друг на друга, будто пользователи писали их под диктовку одного не очень умного человека. Внятного толкования особенности Игоря никто не предложил, а немногие объяснения, что там приводились, выглядели туманными, безумными, и всегда противоречащими друг другу. Игорь, наученный опытом общения с экстрасенсом, относился к информации с максимальным скепсисом, но представленный материал изучал весьма дотошно, и упорство это однажды дало результат. Его удача пришла неожиданно, материализовавшись в форме сообщения от неизвестного мужчины, который предложил Игорю встретиться лично. Незнакомец писал сухо и серьезно, казалось, что только для него история Игоря была не глупой страшилкой из пионерлагеря, а серьезной жизненной проблемой. Такой подход Игорю понравился, поэтому он согласился встретиться тем же вечером в небольшом тихом баре.

Незнакомец с форума пришел раньше назначенного времени. На вид он был коренастым коротко стриженным мужчиной лет сорока. Строго отчитав Игоря за пятиминутное опоздание, мужчина принялся яро критиковать обстановку и обслуживание бара, где они находились. Ему не нравилось местное кофе, ему не нравился местный запах, его стул по степени неудобства мог уступать разве что электрическому и вообще он считал, что место это стоило закрыть лет десять тому назад. На предложение Игоря выпить алкоголя мужчина резко отказался, обвинив парня в раннем алкоголизме. После длинного монолога о том, что наша страна в последние 20 лет только и делает, что спивается, мужчина-таки вывел разговор на тему, ради которой они с Игорем договорились встретиться:

– И что ты думаешь, эти глюки именно к тебе притащились? К тебе! К здоровому парню, спортсмену! Непьющему, некурящему!

– Не знаю... На форуме писали, что восприимчивость к паранормальным явлениям по генам матери передается.

– Херня это все! На форумах одни дебилы сидят! У них вместо мозгов Игра Престолов! Они логику в кишечнике держат, а не в голове!

– Так Вы мне тогда объясните!

– Да нет никаких призраков и не было никогда! Понимаешь, не существует этой всей эзотерической чуши! Просто одни в нее верят, а другие деньги на них зарабатывают!

– Но что же я тогда у себя в шкафу видел?

– Да посадили тебе туда ряженого, чтобы ты штаны свои обгадил! Неужели не понял еще?

– Как посадили? Кто посадил?

– Да что же ты такой тугой, парень! Посадили те, кому выгодно, чтобы таких, как ты, молодых, здоровых и непьющих не было в стране нашей больше!

– Хотите сказать, это правительство?

– Какое правительство? Кончай тупить! Правительству нашему срать на тебя и на все, что ты делаешь! Ликерщики это все! Коньячники это! Понимаешь?! Те, кто спирт людям продает!

– Ничего не понимаю.
– Да, разуй ты глаза! Вот ты бегал, в качалку ходил, не пил и не курил! Кому ты такой здоровый жить мешал? Только этим спиртодилерам! Они же ненавидят таких, как ты! Они же ни копейки твоей за всю жизнь не получают! А вот припугнули тебя раз ,довели до каленья белого , - и ты уже их клиент. Разве не так?
– А ведь здравое зерно в словах-то Ваших есть! Я, правда , пить-то начал только после этих встреч.
– Ну, а я тебе что говорю!
– Значит, выходит, это ряженый кто-то был... Так, а как же полиция? Были же полицейские у меня дома, говорят, чисто все, следов нет.
– Так что ты думаешь, если одного клоуна в шкаф запихнуть сумели, еще пару в погонах для внушения пригнать бы не смогли?
– Слушайте, а как все логично-то. Выходит я все же был особенным раньше, а как пить начал - стал таким же, как все! Таким, каким эти уроды меня видеть хотели! То-то меня ряженные их меня тревожить перестали.
– Ну, хоть мозги включились! Понял теперь, что делать нужно? Завязывай с бухлом и шаманизмом. Лучше девку себе нормальную найди!
Когда последняя точка этой истории перенеслась из одного тела в другое, призраки уже не прятались в кустах аллеи. Они стояли и молча наблюдали сцену, что проходила в комнате бегуна-ловеласа, чьи похождения были описаны вначале рассказа. Девушка, внимания которой он так отчаянно добивался, полулежа в неглиже с интересом разглядывала с кровати комнату своего нового знакомого, когда он, расправившись с пунктом 8 утреннего to do-листа, выходил из ванной комнаты:
–Игорь, у тебя есть чистая футболка? Можно я в шкафу посмотрю?!
– Нет! Не открывай этот шкаф!

ЛЕНА ЛИКСЕНА

http://www.stihi.ru/avtor/lenalee

Автор о себе: пишу стихи с 15 лет. Прозу решилась попробовать написать с 2016 года. Литературные предпочтения многочисленные. На базе Городской центральной библиотеки вела клуб любителей чтения «Вкусное чтение». Раньше писала под псевдонимом Лена ЛИ.

КАК ДЕЛА, ОДИНОКАЯ ЛЕДИ С ФОНАРЕМ ПОД ГЛАЗОМ?

Действующие лица:

Ирина
Борик
Алёна
Макс
Мама Ирины
Девушка-неформалка
1-й парень
2-й парень
Продавцы

День 1.

Магазин промтоваров в провинциальном городке. Отдел париков. Скучающая Ирина сидит на табуретке в своем отделе. Продавцы в соседних отделах, каждый при своем деле: кто-то лениво решает сканворды, кто-то снимает кассу раньше времени, кто-то протирает

витрину. Все молчат: очевидно, ждут сигнала, чтобы пойти домой.

ИРИНА. Одиночество в толпе. Это про меня. Поскорее бы уйти с работы! Покупателей уже нет, но надо оставаться на рабочем месте до 8-ми. Сейчас – 7-мь. Какая тоска! Сегодня ещё один унылый одинокий вечер, а на улице вечерняя прохлада. Так и манит пройтись… Эх, так и быть, схожу к друзьям – Алене и Борику! Они недавно переехали в новостройку и делают там сейчас ремонт. Квартира необустроенная и в ней часто происходят тусовки. А что ещё надо одинокой леди? Может, взять с собой бутылку пива? А то неудобно как-то каждый раз приходить с пустыми руками. Да и вообще начала наглеть. Каждый раз, когда Алена идёт в магазин, начинаешь клянчить что-нибудь вкусненькое для себя. И неизменно главное лакомство – кукуруза и крабовое мясо.

На часах – 20.00, продавцы закрывают отделы и нестройной толпой выходят из магазина. Прощаются, расходятся в разные стороны. Ирина уже несет в руках пакет с очертанием большой пластиковой бутылки. Из-за угла к ней неуверенно приближается фигура девушки-подростка в футболке «Нирвана» с фенечками на обеих руках. Подходит, смотрит на неё исподлобья.

ИРИНА. Привет! Ты что здесь делаешь? Меня ждала? А почему не зашла в магазин?

ДЕВУШКА. (начинает теребить рукав кофты Ирины) Ты помнишь, я тебе о Нем говорила?..

ИРИНА. Это тот самый, смешной такой с ирокезом, который тоже Нирвану любит? Что-то мне подсказывает, что у вас что-то было… Любовь, а?.. (Ирина улыбается.)

ДЕВУШКА. Он повесился! Только что.

ИРИНА. (прислоняется к шаткому забору у дороги.) Ты, что такое говоришь?.. Ты, может, так шутишь, прикалываешься, да?

Из-за угла появляются два длинноволосых парня, подходят к Ирине и Девушке, здороваются.

1-й ПАРЕНЬ. Вы в курсе, что произошло? Один придурок повесился только что. Здесь, неподалеку, в заброшенном здании…

Девушка медленно разворачивается, ссутулив плечи, и начинает отходить в сторону от компании.
Ирина, оттолкнув парней, бежит к Девушке.

ИРИНА (пристально глядя ей в глаза) Послушай меня. Он, наверно, больной. Психически. Поэтому и с тобой у него непонятно все было. Он же уже вены резал. Он странный был. Это было одно из твоих увлечений. Это было несерьезно. Слышишь меня? Это все пройдет: боль, мысли о нем. Все забудешь. Останется небольшим пятнышком в памяти. Держись. (Ирина хватает девушку за плечи.) И… не ходи туда, пожалуйста, обещаешь? Обещай, что пойдешь домой, к родителям?

ДЕВУШКА. Обещаю. Дурак он.

Девушка разворачивается и медленно бредет в сторону своего дома. Ирина подходит к парням.

ИРИНА. Ну что же вы так…. Они ведь…. Вместе ведь они…

1-й ПАРЕНЬ. А мы не знали. Блин. Ну, извините. (Разворачиваются, уходят.)

ИРИНА. Так. Не думать об этом. Как говорила Скарлетт: «Я подумаю об этом завтра». (Бредет, не спеша, по улице, вдоль слегка шевелящих листвой, деревьев.) Наконец-то, на улице! После адской жары магазина без кондиционера, да ещё и в июне – такое удовольствие, когда идёшь по остывающему асфальту, и внезапно налетает лёгкий ветерок! Ну, вот и дом. Так, поднимаемся на 7-й этаж. Сегодня меня не ждут.

Ирина, с замирающим сердцем стучит в дверь. За дверью слышатся радостные голоса, и дверь открывается. На пороге – улыбающийся Борик.

ИРИНА. «Простите, у вас можно тут приземлиться?»

БОРИК. (изображает Карлсона): «Слушай, ты же забыл варенье!»

ИРИНА. (изображая Малыша): «Да нет, я взял, взял!»

Борик подхватывает из протянутых рук Ирины пакет с пивом и уносит его на кухню. Появляется Алена в костюме маляра. Как всегда бодрая и деятельная.

АЛЕНА. Мы сегодня стену ломали! А сейчас расслабляемся!

Ирина проходит в комнату. В открытой балконной двери стоит их закадычный друг Макс – балагур и душа компании.

МАКС. Привет! Пиво? (Кивает Ирине на пластиковую бутылку.)

ИРИНА. Ещё бы! Надо же как-то стереть из памяти 12-тичасовой рабочий день в душном магазине.

Ирина заходит на балкон, присаживается рядом с Максом. Он наливает пиво. У него сладковатый привкус – дешёвое! Но хочется пить, и первый стакан проглатывается почти залпом. Тут же на расстеленной газетке лежит огромная и жирнючая копчёная рыбина. Ирину угощают. Она ест с удовольствием, не думая о том, что желудок пустой: ещё не ужинала. Макс треплется о ремонте, о совершённых подвигах, а потом вообще обо всём подряд.

МАКС. … или вот ещё любимая поговорка Кольки Булыжникова: «Попытка – не попытка»…

ИРИНА. (подхватывает) … «Пить или не пить?»…

АЛЕНА. … «Два сапога – две пары»…

БОРИК.(басом)… «Чтоб гопницы ко мне не приставали, я буду меланхоликом ходить»…

Все хохочут.

ИРИНА. Наконец-то чувствую себя в своей тарелке!..

Борик несет гитару. Сидя на балконе, начинают горланить любимые песни. Пусть весь дом слушает. Как-то между делом Макс достаёт косяк.

МАКС. (кивает Ирине.) Ты с нами?

ИРИНА. Эххх, гулять - так гулять!!!

Друзья делают затяжки и, постепенно, реальность становится всё дальше и дальше…

День 2.

ИРИНА. Не пойму, где я?? Холодно, мокро. Что за резкий свет? Ааа, я в ванной. Лежу в своём белом костюме. Отдыхаю, значит. (Ирина пытается поднять голову.) Не-а. Никак. Ох, в глазах помутилось. Что-то зашевелилось в желудке. Рыба, наверное. Может, я живую съела? (Ирина снова пытается поднять голову.) Ага, поним: что-то не пускает. (Ирина

нащупывает правой рукой под волосами кусок мыла.) Понятно. Волосы присохли к нему. (Невероятным усилием отрывает волосы, поднимается. Тут же садится с глухим стуком.) Ооо, такой вертолёт!

Задевает рукой о край ванны, раздаётся грохот. В ванную комнату заглядывает Макс.

МАКС. Ты живая?

Ирина пытается ответить «Да» – получается мычание. Макс старается вытащить из ванной Ирину. Она ищет глазами унитаз. Рывком наклоняется к нему. Изо рта льётся и льется желчь. Макс трясёт её в панике.

МАКС. Ты только не умирай, слышишь?

Ирина пытается засмеяться, но не до этого: рот занят.

МАКС. Ну, вот, вроде и ожила.

Он ведёт Ирину в комнату. Там на полу, несмотря на тёплое лето, под пушистым пледом спят Алена и Борик. Ирина заползает под плед между ними, пригревается и засыпает.

Раннее утро. Раздается голос.

ГОЛОС. Вставай, вставай, соня!

Ирина открывает глаза, над ней лицо Алены.

АЛЕНА. Надо вставать, подруга, за нами машина приехала.

Ирина пытается встать.

ИРИНА. Друзья мои, это всё равно, что заставить встать на ноги младенца, не умеющего ходить. (Кое-как поднимается). Ха, а костюм на мне сухой и не мятый даже. Это хорошо. Надо ещё причесаться. (Пытается расчесать клок волос.) А вот это практически невозможно. В волосах – засохшее мыло. Оно категорически нерасчёсываемое. Ладно, доеду и с мылом.

В машине Ирина кое-как сдерживает рвотные позывы. Ну, что за

водитель! Выходит из машины, бредет к подъезду. Заходит в квартиру, падает на кровать. Проваливается в пропасть.

Вечер 2-го дня.

Во входной двери скрежещет ключ.

ИРИНА. (резко открывает глаза.) Ёшкин кот! Это же мама!!! (Пытается подскочить, но ничего не получается.)

Входит мать. Ирина лежит с несчастным видом – попалась!

МАТЬ. (подозрительно.) Что с тобой?

ИРИНА. Голова болит…

Мать поджимает губы и уходит на кухню. Ирина, чувствуя себя виноватой, плетется туда же. Потихоньку начинается разговор.

МАТЬ. Как же я устала, ноги болят, сил моих нет…

ИРИНА. (в тон матери.) Ой, и у меня так болит голова-а!

Мать презрительно смотрит на Ирину.

МАТЬ. Тебе бы мои проблемы…. А мне – твои.

ИРИНА. А у меня ещё впереди всё…

МАТЬ (заводясь). Свинья ты неблагодарная! Я – ведущий инженер, твой отец – зам. генерального. А кто ты? Чем ты занимаешься? У тебя была школа с золотой медалью, сколько денег на репетиторов ушло! Ведь любимый единственный ребёнок! Институт, красный диплом! Где благодарность?! Сволочь…

ИРИНА (фыркает матери в ответ). Стоп, какой ещё отец? Да он бросил нас давно, ушёл к другой. И ещё один долбаный вопрос: какой институт?Технический? Энергетический факультет? Вы для себя выбирали?! (Переходит на крик, периодически задыхаясь.) Я вам говорила – ин.яз!!! На худой конец – социология, психология. Но нет. Мамочке с папочкой надо было дочь-энергетика. И в другой город побоялись отпустить. Как же – пропаду без вас! А сейчас что? У папочки другая любимая и уже единственная дочка. А мне ваш институт на х.. не нужен!!! Подотритесь этим дипломом!!!

МАТЬ (кричит с надрывом). Мы, значит, такие плохие. Зла тебе желали. Тебе вот уже 22 года. Взрослая. И кто ты? Кто ты такая??? Продавец париков? Подруга этих волосатых? (Пытается отвесить Ирине оплеуху, та отмахивается.) О чем ты думаешь, тварь?

Мать снова наскакивает на Ирину, и второй удар приходится точно в глаз, точнее в стекло от очков. Бац – и трещина! Осколок впивается в нижнее веко. У Ирины на глазах выступают слезы обиды, она бросается в свою комнату, закрывается. Снова ложится в кровать. Ворочается. Мысленно продолжает диалог с матерью. Засыпает…

День 3.

Утро. В квартире тишина. Мать ещё спит, наверно. Ирина тихо поднимается, выходит из комнаты на разведку. Но она не спит. На дочь не смотрит. Ирина хватает зеркало, косметику и снова запирается в комнате. Накладывает кое-как тоналку на образовавшийся под глазом синяк. Небольшой, но заметный. Собирает вещи в сумку , берёт купальник.

ИРИНА (подкрашивая ресницы). Сегодня всё-таки поеду кататься на катере, хотя уже и отказалась. Но планы-то изменились. Только бы Борик с Аленой меня дождались!

Ирина выходит из дома и направляется к дому Алены и Борика. Её догоняет Девушка.

ИРИНА. Привет! Как ты? Как вчера вечер прошел?

ДЕВУШКА. Ну, как. Ходила к его матери с друзьями. Посидели, поговорили. Альбом показывала с фотографиями. Хорошая у него мать.… А его, уже поговаривают, повесили. Но разве теперь будет кто разбираться. Тут и так бандитский Петербург… Кто будет тратить время на сраного неформала?

ИРИНА (с подозрением глядя на Девушку). Что-то ты спокойная слишком…

ДЕВУШКА. Ирин, я вчера днем думала над твоими словами. Ты права во всем. Я не должна всё это принимать на себя. Случилось то, что случилось. Разве мы боимся смерти? Нет. Надо жить дальше. Ведь все там будем рано или поздно.

ИРИНА. Ты совсем еще маленькая девочка. А уже кое-что понимаешь в этой жизни. Не дай себя сломать. Не разрешай никому. Как сказал один

мудрый человек: «Только сломанный взрослеет». Не взрослей в этом смысле... «Взрослые» умеют врать, убеждать тебя в том, чего нет и ломать твою жизнь. При этом они сами будут несчастны, но с ослепительной улыбкой на губах. Чтобы никто, не дай Бог, не подумал, что они несчастны. А, впрочем, не хочу на эту тему больше. Вчера наговорилась… (Ирина вздыхает.) Ты случайно не на прогулку на катере собралась?

ДЕВУШКА. Да, иду к Алене и Борику. Ты тоже?

Ирина кивает, и они идут вместе вдоль проезжей части.

Ирина и Девушка в квартире Алены и Борика. Алена охает при виде Ирины.
Усаживает на диван, успокаивает, рисует ей радужные планы на этот день. Потом берёт пудру и запудривает фингал под глазом. Придется сегодня ходить без очков. Борька и Алена бегают, суетятся, собирают вещи и продукты.

Ирина тем временем прикладывается головой к подушке на диванчике. «А кто ты? Кто ты?!!» - кричит в мозгах голос матери. «А кто я?» - засыпая, думает Ирина. – «Одинокая леди с фонарем под глазом»…

ЕЛЕНА КАЛЯКИНА

https://vk.com/lenchstihi

Автор о себе: LEHCN Елена Калякина (Саратов). Публикации в российских литжурналах и других СМИ, а также в переводе на болгарский - в журнале "Знаки" (Болгария). Постоянные поездки с выступлениями по России. Ежегодный участник поэтических чтений Всероссийского фестиваля "Центр Весны". В прошлом - руководитель Авторской студии поэзии и смежных жанров "СОЛИТОНЪ". Культуртрегер, лидер музыкального коллектива "Любители Этого Дела" (LЭD).

РАДИАНТ

Ветер внутри
замыкается вдруг,
крылья мои превращая в петлю.
И тишина выпадает из рук.
Дети на маяке
слушают школьный урок.
Если я и встречала Бога,
он был подобен мне.
Дети берутся за руки и образуют круг.
На́ море-окияне - шторм,
тёмно-серый вал.
Я бы держала небо.
Я бы была Атлант.
Жарко
от жёлтых ламп.
В чьих-то ладонях "Apple"
символизирует жатву,
сердце и радиант.

* * *

Ангел, я за твоим плечом.
Ты закроешь замок ключом -
дверь - подъезд - белый снег - такси.
У водителя хриплый голос.
Соло сыграно скрипачом
в тихом радио с танцами, с нотами,
ветром ввинченными в синь.
Это так себе город...
Ёлки - продаются - в котором - мы.
Запирай меня чаще дома
от зимы!

КОШКИ

Кошки возвращаются в уют,
к шаркающим тапочкам в прихожей...
Мне приснился сон, на явь похожий,
только в нём взаправду не убьют.
Кто-то изнутри следит за мной -
будто я его не замечаю!
Я сегодня осень отмечаю.
Кошки возвращаются домой.
Кошки возвращаются домой.
Человек собою красит вещи.
Мне сегодня сон приснился вещий,
только в нём всё было не со мной.

* * *

Сфотографируй меня, как мог,
для журналов "Vogue",
чтобы Бог,
который ко мне придёт,
и о тебе сказал.
...а из всех дорог
льётся пейот.
И поёт,
пляшет Иштар на клавишах.
На снегу
сделаем Ангела -
светлое Рождество.
Шар я встряхну -
и набело
катышей намело!
Наглая я,

Господи...
Выдохну.
И вдохну!

* * *

Руку целу́ю
в костяшки пальцев,
что по страницам летят ошарашенно.
Це́лую реку - тебе
в кармашек,
чтобы в гиперболах чувствовал разницу,
чтобы по лезвиям, под ноги брошенным,
ты бы прошёл
и опять полез на них.
Это полезное дело, хорошее -
смело идти по ножам над бездарью.
Руку целу́ю, а значит - кланяюсь.
Це́лую реку до дна закликала...
Только не выкрикнуть всё, что навалится,
если тобою раскроется книга мне.

ПАРК ИСКУССТВ

Пусто
в Парке Искусств.
Ты вычел,
вычеркнул губы из списка нычек,
чиркнув на кухне коричневой спичкой
в пепельный вычур прокрался отмычкой.
Осты скульптурные -
мне не по росту:
просто меня не отметили ГОСТом.
Горестно.
Горсти морозного проса
просятся в воздух
под знаком вопроса.
Пусто
в Парке Искусств.
Пусто
в Парке Искусств.
...обычен вечер.
Он с горлышка ночи свинчен,
непропечённый, похожий на точку.
Мы
обречённо

вдвоём - в одиночку.
Мы обречённо вдвоём.

* * *

Когда луна повяжет шарф
и от зимы в полфейса вздрогнет,
я обменяю иероглиф
на цепь иных координат
и предложу тебе пари,
что ты окажешься не в моде:
ведь мы-то знаем, всё проходит,
проходит,
что ни говори.
...И вот луна
в вечерней мгле,
шарфом подвязанная лихо,
бредёт - последняя купчиха
на этой вымерзшей земле.

ТАКСИ

...хоть бы снег поскорее выпал.
Стала б погода мягче!
Этой ночью таксист бы выпил.
Хоть бы вымпел советский - ярче!
Те, которые целят в небо,
не вернутся домой иначе.
Хоть бы всё завалило снегом!
Стала б погода мягче...
На дороге асфальт разбит, и
у водителя нет сдачи.
Город вяжет колючий свитер.
Чьё-то прошлое стало мягче,
как бы стала погода, если б
снег поскорей выпал.
Выпади, выпади!... Ярче
звёзды, такси, вымпел.

МИР

Взлетает голубь из-под ног,
пересекая биссектрисой
мой угол зрения,

а мог
меня рассечь пером.
Но птица,
тот голубь, мирная -
ему неведомы пути насилья.
Тот голубь - небу равносилен,
а небо - Богу одному.

ВЕСНА

Весна в окне многоэтажки,
от крыши - в первом этаже.
Дома наколоты на шпажки
антенн
и поданы уже.
Я хулахуп кручу с обеда.
Мне представляется,
что я есть небо.
Радуга моя
вокруг вертится, как торпеда,
и массажирует меня.
Весна в окне, окно в квартире.
В глаза пришёл конъюктивит.
Но я уже река!
На вид
не самый лучший в мире
мой капитан,
но он в мундире
картофель варит,
а в трактире,
дрейфуя, в воду не глядит.
Фазан сидит где, знать желает охотник каждый.
В плюмаже
всех красок перья,
напомажен
игривый локон -
в бельэтаже
весна, в наряде неглиже.

АЛЕКСАНДР ЛАЗАРЕВ

https://vk.com/aragorn.rock

Автор о себе: Возраст: 18. Я православный, металлист, играю в индастриальной рок-группе «Арагорн». Также люблю духовную литературу, Толкиена и шахматы... Участвовал в двух фестивалях авторской песни 2016-2017гг., двух ЛитFESTах, и ЛампаFEST, концертов и выступлений за год с хвостиком ,в целом,где-то 30-40. Ищу:интересных друзей! Общительных)

* * *

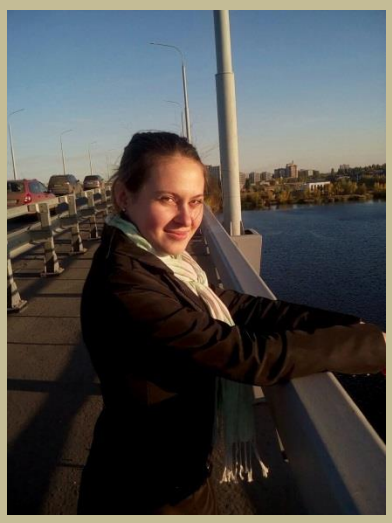
Ты не печалься, не ликуй,
Не забывай, что было прежде...
Соври... а следом поцелуй:
Мы счастливы и без надежды.

Надежды той, что дарит смысл
Большим делам, как малым целям,
Чего понять не может мысль;
Что мы вдвоём не станем целым...

Обжегшись на воде, не дуй
На молоко - обрящешь рану.
Соври... а после поцелуй...
Не уходи. Ещё так рано.

Ты не уходишь. И в ответ
Бесшумно опускаешь веки.
Пути назад в ноябрь нет.
Как нет пути вперёд. Навеки.

Мой образ в мыслях не рисуй,
Но вспомню я тебя в виденьи...
Соври... а после поцелуй:
Мы были счастливы мгновенье...



ЕЛЕНА ЩЕРБАКОВА

http://www.stihi.ru/avtor/lenashcher

Автор о себе:Поэтесса, по совместительству студентка и копирайтер, с большими амбициями. Родилась в феврале 1997 года в городе Балаково Саратовской области. Талант к стихоплетству обнаружился в подростковом возрасте. На создание произведений вдохновляют люди, природа, музыка, фильмы со смыслом. Автор считает, что все в этом мире имеют право на выражение эмоций и своим творчеством призывает этого не стесняться. Несмотря на юный возраст, глубоко чувствует мир и верит: все, что ни делается – к лучшему!

ЗВЕЗДА

Сегодня ярче всех на свете
Горит одна твоя звезда,
И нет такой же на планете,
По ней не плачут никогда.

Ее не ищут в дали томной
И не зовут в свою ладонь.
Пусть будет яркой, но не броской,
Пусть будет той, что надо мной.

Ей не нужны мои желанья,
Она любви к себе полна,
Чудесной юности страданья-
Не пить ей крепкого вина.

Сгорит когда-нибудь она,
Исчезнув, будто бы и вовсе
Ее не знали никогда...
Ей нечего оставить после.

ПРИВЫЧКА

Мне неважно, что скажут люди,
Я сожгу все их сплетни спичкой.
И, наверное, все со злости
Называют любовь привычкой.

Говорят, что не стоит пепла,
Даже дыма в ночи не стоит,
Чтоб в печали и до рассвета
Желать тех, кто о нас не спросит...

Ну, а что если мы едины,
Кто о них непрестанно помнит
И находит в себе те силы,
Что в душе незаметно скроет?

Может, важно порой дарить,
Не прося ничего в разлуке,
Просто молча порой любить,
Вспоминать в ласке нежные руки...

Не грешить на весь мир за ту боль,
Не винить всех подряд в своем горе...
Может, ты не играл свою роль
И найдешь здесь еще свое море.

Говорят, что любви не бывает,
Только те, кто ее познал,
Кто давно от нее страдает
И пред нею как жертва пал.

Не ведитесь на разум сердца,
Не берите любовь в кавычки.
Ведь со злости она горче перца
И имеет лишь привкус привычки.

ВЕРБА

Догорают огни на небе,
Догорают! И мысли свежи.
На прекрасной весенней вербе,
Словно беды, цветы расцвели.

Кто коснется прохладных веток
И почувствует их аромат,
Тот давно уж не ждет ответов,
Не шумит, как осенний сад...

Не расстроит его любимая,
Ведь он знал, что любовь, как огни,
Догорает на небе синем,
И теперь его мысли свежи.

Верба манит своей белизною,
Каждый хочет коснуться рукой...
И оставить на ней свою повесть
О печали и ласке былой.

* * *

Я жизнь порой пускаю в самотек
И наслаждаюсь ее видом,
Ласкаю взглядом лепесток
У озера людьми забытом.

Я жизнь порой пускаю в самотек,
Вдыхаю легкими осеннюю прохладу,
И вижу чей-то огонек,
Приятный ласковому взгляду.

Таких, как я, по миру миллион,
Не каждый ли живет по расписанью?
Порою тем, кто очень приземлен,
Полезно жить по своему желанью.

* * *

Нас часто внешность привлекает,
Но как обманчив ее вид!
Я та, кто точно утверждает :
Не то красиво, что блестит.

Еще бывает по-другому:
Тот, кто частенько зол на вид,
На деле сродни дорогому,
Тебя приятно удивит.

Обложка суть не отражает,
Не бойтесь глубже заглянуть,
Она от глаз чужих скрывает
К душе далекий нежный путь.

Я РИСУЮ

Усталый шелест листьев
В дерёвушке глухой,
Акварельной взмахи кисти:
Рисую небо над землей.

И бесконечно, и красиво
Плывут по небу облака,
Вдали тихонько плачет ива
И разливается вода.

А я рисую - как чудесно!
Туман закроет мне глаза,
Остаться здесь хочу навечно,
Как в поле летняя гроза.

Но надо в путь. Убрав все краски,
Бреду тихонько я домой.
Вдали мерцают ярко вспышки,
И где-то дождик проливной.

Еще вернусь, я обещаю!
Скажу, и в небо посмотрю.
Ты будешь ждать меня, я знаю!
С собою краски прихвачу.

АЛЁНА МАТВЕЕВА

https://vk.com/public_poems_alena_matveeva

* * *

Люблю немного чокнутых людей.
Вы знаете, они похожи на детей.
Смеются, словно заводные!
Они не здесь, они Иные.
Сбежали с чокнутой планеты,
Чтоб было, с кем встречать рассветы,
И создавать эпичные дуэты.
Чтоб под гитару песни до утра ....
Пускай не в лад идёт игра,
Звенит струна и рвётся, словно нить.
Таких людей нельзя забыть.
Они исполнят вам "шанжман де пье"
Не хуже всех известных на земле.
С других планет сошедшие, чудные, сумасшедшие.

* * *

Жёлтые листья,холодно,больно,
Нет настроенья и кровь на руке.
Под шорох опавшей листвы так спокойно
Ты ждёшь зимний холод на грязной реке.

Мимо проходят смущённые люди.
Каждый живёт на отдельной волне.
Только тебе не спокойно и скучно,
Ждёшь зимний холод на грязной реке.

Вместо газеты тетрадь со стихами.
Ищу вдохновения, вгрызаясь во тьму.
Кончились нервы, сорвались три слова:
я никогда не умру!

* * *

Нет больше слов, хватит эмоций!
Забудем про то, что было давно.
Вырастут крылья, ты ангелом будешь.
Прошлая жизнь – сплошное г…о.
Белыми перьями капли сбивая,
сквозь темноту падая в низ,
Ты не забудешь судьбу проклиная,
Как тёплого лета не дождались!

* * *

А нас с тобой сдружила сигарета -
Последняя, одна и на двоих.
И вот уже прошло второе лето,
Как я тону в глазах твоих.
Ты помнишь тот костёр
И тихое "пойдём покурим"?
Мгновение запомнил фоторепортёр.
И радует меня, что вместе бедокурим,
Пойдём покурим? А давай в туман уйдём?

* * *

Я вместо кофе выпью чай.
Вспомню, как ты не любишь баклажаны..
А ты и дальше у монитора рассвет встречай!
И расставляй в интернет-паутине капканы!
Дочь каждый день собирается к папе.
А разве её там хоть кто нибудь ждёт?
Бежит к дверям в своей новенькой шляпе.
Сядет и ждёт, когда же папа придёт!..
Ты явишься утром в субботу,
Крепко обнимешь её и уйдёшь!
И снова рассказ про плохую работу...
Ребёнку неведома горькая ложь..

* * *

Кто знает, что такое "в полночь чай глотать",
Когда внутри кипит забытый кем-то чайник?..
Сквозь стёкла линз, за мотыльками наблюдать,
Как крылья жарят о ночной фонарик...
Когда в одной из комнат мирно спит зайчонок,
В другой сопит причина твоих мыслей…
Мне счастье дарит мой ребёнок!
А вы все в суете зависли!